

ОСТРОСЮЖНЫЙ РОМАН О ПРОРИЦАТЕЛЕ

ЗНАМЕНИЕ

НЕ СМОТРИ В ГЛАЗА
ПРОРОКУ

Сергей Кулаков

Знамение

Сергей Кулаков

Не смотри в глаза пророку

«ЭКСМО»

2010

Кулаков С. Ф.

Не смотри в глаза пророку / С. Ф. Кулаков — «Эксмо»,
2010 — (Знамение)

25 лет назад сотрудники госбезопасности в строжайшей тайне отобрали из детских домов восемь детей с ярко выраженным даром предвидения. Позже программа рухнула, детей распустили, но вот архивные документы по каким-то причинам уничтожить забыли. Прошли годы, из ясновидцев в живых остался лишь один – ныне популярный писатель Егор Горин. Предприимчивые злоумышленники, узнав тайну секретного архива, похищают Егора и заставляют его работать на себя. Предугадывание выигрыша в казино или на тотализаторе – всего лишь легкая разминка перед серьезной игрой, где злодеи намерены сорвать умопомрачительный куш. К своему несчастью, преступники не могли видеть свое будущее и не знали, что их ждет завтра. А вот Горин – видел и знал...

© Кулаков С. Ф., 2010

© Эксмо, 2010

Содержание

Предыстория	5
Происшествие в Столярном переулке	11
Совещание	17
Еще одна смерть	22
Вернисаж	25
Встреча с незнакомкой	32
Любопытные подробности	43
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Сергей Кулаков

Не смотри в глаза пророку

Предыстория

– Не спеши. Успокойся. Мы оба знаем, что у тебя получится.

Худощавый мужчина говорил негромко. Но голос его наполнял все помещение, представлявшее собой коробку пять на пять метров с голыми, тускло окрашенными стенами и двумя стальными шкапами в углу.

Когда мужчина говорил, его острый кадык мерно двигался вверх и вниз, отчего мальчику, сидевшему перед ним, казалось, что кадык вот-вот прорвет тонкую в мелких пупырышках шею и выскочит наружу.

– Что тебя все время отвлекает? – спросил мужчина, сведя брови к переносице.

Машинально он притронулся к узлу галстука, ибо не мог не заметить интереса мальчика к своей шее.

Но мальчик, чуть заметно вздрогнув, уже перенес внимание на его брови, между которыми при их схождении образовывалась из складок кожи буква «П», хотя верхняя палочка и была выражена слабее двух других.

А еще одна из бровей, левая, могла подниматься, изгибаясь по крутой дуге, независимо от правой.

– Сосредоточься, – сказал мужчина.

Мальчик кивнул, с усилием отвел глаза от его лица. С рыжеватыми усами, длинным с горбинкой носом, впалыми щеками, крошечной бородавкой на подбородке и большими желваками. Но самыми интересными были выпученные желтые глаза с точками вокруг зрачков.

Между ними стоял экран шириной в полтора метра и высотой в тридцать сантиметров. Таким образом, мужчина с высоты своего роста видел мальчика от макушки до пояса, в то время как мальчик мог видеть его только от плеч до макушки.

Мужчина протянул левую руку и взял верхнюю карту с лежащей перед ним колоды. Все так же глядя на мальчика, он перевернул карту и быстро взглянул на изображение.

– Что у меня в руках?

Мальчик молчал, по-черепашьи вбирая голову в плечи. Тонкая витая проволока, протянутая из-под стола к серебристому ободку на его голове, задрожала.

– Ты что-нибудь видел?

– Да, – тихо сказал мальчик.

– Что?

– Это... – проговорил он и замолчал, съеживаясь все больше.

– Что? – поторопил его мужчина.

Мальчик вздохнул и проговорил.

– Это звездочка.

Мужчина едва заметно нахмурился и отложил карту с изображением круга в сторону.

– Я знаю, – как можно мягче сказал он, – ты можешь это сделать. Просто тебя все время что-то отвлекает. Ты не хочешь мне сказать, что именно тебя отвлекает?

Мальчик помотал головой. Проволока зазвенела, ударяясь о край стола.

– Посмотри на меня.

Мальчик поднял голову.

– Ты ведь не хочешь, чтобы я рассердился? Только не мотай головой, прошу тебя.

Мальчик, сбитый с толку разнородностью установок, молчал. Однако на сей раз промах был не его, а куратора, и тот, спеша устранить ненужную тревогу из глаз мальчика, обратился к нему мягким тоном.

– Итак, ты не хочешь меня рассердить?

– Нет, – последовал тихий ответ.

– Хорошо. Тогда давай продолжим? Сосредоточься.

Мальчик торопливо зажмурился.

Мужчина взял очередную карту и повернул лицевой стороной с изображением квадрата вверх.

– Что у меня в руке?

Мягкость тона не могла ввести в заблуждение мальчика. Помимо своей воли, он начал поднимать к ушам худые плечи, отчего проволока снова задрожала.

– Говори! – вдруг рявкнул мужчина.

– Я... – пролепетал мальчик.

– Ну? Что?!

– Я...

Вторая рука мужчины все время лежала на кнопке. Не отрывая глаз от темени мальчика, он коротко надавил средним пальцем на кнопку.

В горле у мальчика словно пискнула мышь, после чего он застыл в полной неподвижности. Его бледное печальное личико подернулось легкой судорогой, но почти сразу на нем возникло выражение испуга и одновременно блаженства.

– Ты сам виноват, – сказал мужчина. – Если бы ты не отвлекался, я бы не стал этого делать.

Мальчик не двигался и не открывал глаза.

– Не надо меня обманывать. Тебе совсем не было больно. Я просто пытался тебе помочь. Открой глаза.

Мальчик поднял веки.

– Я думаю, теперь у тебя получится, – проговорил мужчина.

Казалось, куратор сожалел о том, что произошло. Во всяком случае, голос его звучал без привычно скрытой в нем угрозы.

– Солнышко, – сказал мальчик.

– Что? – начал было мужчина.

– Солнышко.

Мужчина протянул руку и снял карту с колоды. Глядя на застывшее личико мальчика, медленно перевернул. На карте был изображен круг с расходящимися лучами.

Куратор отложил карту.

– Хорошо, – сказал он. – Я знал, что ты это сделаешь.

– Домик, – сказал мальчик.

– Подожди, я...

– Домик! – почти выкрикнул мальчик.

Его округлившиеся глаза смотрели мимо мужчины. Тому даже показалось, что мальчик видит что-то на стене за его спиной, хотя он знал, что стена была идеально ровной и идеально пустой.

Куратор поднял следующую карту.

Прямоугольник, увенчанный равносторонним треугольником.

– Хорошо, – сказал мужчина.

Он испытующе посмотрел на мальчика, желая понять, как долго тот сможет продолжать эксперимент.

– Как ты себя чувствуешь? – спросил он.

Мужчине хотелось послушать интонацию мальчика. Только по ней он мог более или менее точно диагностировать его состояние.

В последнее время он начал подозревать, что мальчик научился каким-то образом утаивать свои эмоции. Для его возраста это было совершенно неестественно. Но, учитывая то, чем он здесь занимался, можно было предположить, что некоторые параметры его психики получают ускоренное развитие. Подобный симптом был бы весьма нежелателен, и куратор подумал о том, что следует увеличить периоды релаксации. Конечно, это приведет к замедлению темпов эксперимента, но лучше замедлить темп, нежели понести потери. Хотя и в том, и в другом случае ему не поздоровится.

Поскольку мальчик молчал, он повторил вопрос.

– Хорошо, – отстраненно сказал мальчик.

Мужчина забеспокоился. Он не мог понять, спокоен мальчик на самом деле или *хочет казаться* спокойным?

Буква «П» на его переносице обозначилась вдруг так сильно, что мальчик чуть подался назад. Он не мог знать, чем вызвано появление этой буквы почти во всей своей силе, но решил предпринять немедленные меры к тому, чтобы она если не исчезла совсем, то хотя бы осталась без верхней палочки.

Увидев, что в глазах мальчика вспыхнул страх, и не зная, что стало причиной этому, мужчина растерялся.

К сожалению, это чувство в последнее время стало посещать его все чаще, и он едва удержался от того, чтобы не нажать на кнопку.

Мальчик вздрогнул. Он словно увидел, что палец мужчины, лежавший на кнопке, напрягся.

И в следующую секунду мужчина понял, что он *на самом деле это увидел*.

«Господи святой!» – Куратор медленно вдохнул и еще медленнее выдохнул.

«А что ты хотел? – спросил он себя. – Он увидел то, что должен был увидеть. И пора перестать этому удивляться».

Лицо мужчины разгладилось, и он убрал палец с кнопки. За несколько секунд до этого лицо мальчика тоже успокоилось. Но в глазах остались настороженность и непонятная мужчине готовность.

«Он не может знать, о чем я подумаю, – догадался тот, – но он хочет предвидеть, что я сделаю применительно к нему».

Такое эволюционирование в поведении семилетнего ребенка ему не понравилось. Если они начнут играть в кошки-мышки, эксперимент может пострадать, уйдя в лабиринты локальных психологических дуэлей. И кто в них проиграет – вопрос.

Впрочем, с уверенностью можно было сказать одно: выигравших там не будет.

Мужчина осторожно снял с мальчика серебристый ободок, повесил его на стойку и ровно проговорил:

– На сегодня закончим.

Мальчик выжидательно смотрел ему на галстук.

Куратор преодолел минутное чувство враждебности и не позволил себе ни одного лишнего движения. Но тут же вспомнил, что, если бы он и сделал это движение, мгновением раньше это отобразилось бы на поведении мальчика. Если, конечно, тот не научился справляться с собой на уровне, превышающем свой возраст как минимум вдвое.

«Он ребенок, – напомнил себе мужчина. – Ты взрослее и хитрее его. Не дай себя запутать».

Он улыбнулся.

– Что бы ты хотел сделать?

Мальчик, замороженный видом открывшихся под усами плоских желтоватых зубов со щербинкой между двумя передними резцами, не услышал вопроса.

– Ты меня слышишь? – спросил куратор.

Он видел, что мальчик снова углубился в себя, и не мог понять, чем на сей раз это вызвано. Хотя отчасти и догадывался, что это могло быть как-то связано с периодическими изменениями в его внешности. Тем более что это подозрение подкреплялось одним весьма красноречивым пунктом в характеристике мальчика.

Не теряя самообладания, он повторил вопрос, но уже без улыбки.

– Слышу, – сглотнув слюну, ответил мальчик.

– Что бы ты сейчас хотел сделать?

Мальчик немного подумал, следя за мужчиной.

Тот не шевелился, тщательно контролируя свои руки и мимику.

– Можно себя потрогать? – наконец едва слышно спросил мальчик.

Мужчина хотел улыбнуться – и не стал этого делать.

– Можно, – разрешил он.

Он испытал облегчение. Они все об этом просят, это – норма. Стало быть, все идет, как положено, и незачем паниковать.

Мальчик неуверенно поднял левую руку, дотронулся пальцами до головы и принялся осторожно ими двигать, точно пытаясь нащупать зудящее место. На лице его было написано выражение блаженства и растерянности. Он не первый раз пытался найти причину того, что так ошеломляло его после нажатия кнопки, и всякий раз ничего не обнаруживал, кроме своих коротко стриженных волос, кожи и твердой кости под нею.

Он понимал, что все дело в серебристом ободке. Ведь когда ободка на нем не было, нельзя было вызвать те странные ощущения, которых он так боялся и которые так ждал.

Но ведь что-то же должно было оставаться и на нем! Он же чувствовал, как его голова в том месте, где он ее сейчас трогал, становилась после нажатия кнопки чувствительной, как поджигающая коленка. Но на коленке, он точно знал, была шершавая корочка, и когда он ее почесывал, по всему телу пробегали щекотные, болезненно-приятные волны.

Быть может, все-таки что-то появилось на голове и исчезало сразу после того, как снимали ободок. Но как в этом убедиться? Трогать голову и пуще того ободок во время игры – то, что они делали, называлось *Игрой* – было строжайше запрещено. За это было обещано самое суровое наказание, и мальчик, хотя и порывался поначалу нарушить правила, тем не менее ни разу не отважился этого сделать. Он не хотел, чтобы его мама, которую он ни разу не видел и с которой так мечтал встретиться, рассердилась на него и не приехала *никогда*, и потому он, сдерживая желание потрогать голову, изо всех сил сжимал подушечку стула, на котором сидел.

– Ну, довольно, – сказал мужчина.

Мальчик опустил руку и уцепился ею за стул.

– Сейчас тебя отведут в твою комнату.

Куратор протянул руку к другой кнопке. Где-то вдали послышалось гудение зуммера.

– Подумай о своем поведении, – сказал мужчина. – Ты можешь отлично справляться с заданиями. Но ты постоянно отвлекаешься. Это нехорошо. За это я буду тебя наказывать, хоть мне и не хочется этого делать. Поэтому все зависит от тебя.

Он слегка поморщился. Последняя фраза отдавала нравоучениями инспектора из детской комнаты милиции. А перед ним сидел ребенок, невинный, как только что вылупившийся птенец.

Впрочем, такой ли уж невинный?

Открылась дверь. Вошла рослая женщина в серой, тесноватой ей одежде, вперевалку шагнула к столу. На мужчину и оборудование она не смотрела, точно ничего этого не суще-

ствовало. Она видела только конкретную цель и немедленно устремилась к ней, как пикирующий бомбардировщик.

– Идем, – сказала она мужским голосом, выбросив растопыренную пятерню.

Она была точной копией фрекен Бок. Ее звали Виолетта Викентьевна. Так мальчик обращался к ней, когда хотел пирожное или чтобы ему дали книжку с картинками. Про себя же он называл ее не иначе, как фрекен Бок.

Он боком слез со стула и сунул свою ручонку в пятерню. Та захлопнулась со скоростью капкана, и женщина потащила свою жертву к двери.

Но мужчина этого уже не видел. Он придвинул к себе раскрытую папку и принялся вписывать туда результаты эксперимента и сопутствующие ему замечания личного характера.

Тем временем в предбаннике, примыкавшем к его кабинету, произошло небольшое происшествие. В другом месте оно не имело бы ровно никакого значения, но, случившись здесь и сейчас, едва не вызвало самую настоящую панику.

Все дело в том, что у мальчика развязался шнурок на левом башмаке. Более того, влекомый к выходу своей могучей провожатой, он наступил второй ногой на волочащийся кончик шнурка, и башмак, который был рассчитан на вырост, дернулся и едва не слетел с ноги.

Мальчик споткнулся и наверняка бы упал, если бы его не удерживала за руку Виолетта Викентьевна.

– Что случилось? – сурово осведомилась она, нависнув над ним серой глыбой.

Но, как ни испуган был мальчик, он уловил в ее голосе нотки страха.

Несмотря на свой страх, он был поражен.

Она тоже боялась, эта огромная тетя, а ведь она, по представлениям мальчика, легко могла справиться с Карабасом-Барабасом или даже с Людоедом. Что же это такое, если оно было страшнее Карабаса-Барабаса и Людоеда?

– Пошли.

Виолетта Викентьевна дернула его за руку.

Башмак застрял на половине стопы, и мальчик неловко заковылял следом.

– Что у тебя там? – зашипела женщина.

Она склонилась набок, обнаружила причину задержки и так резко присела, что в нижней части ее гардероба что-то звучно лопнуло.

Женщина живо закинула руку за спину – и бурое, в тон стен, лицо ее налилось тяжелым румянцем.

– Зар-раза, – прошипела она.

Ухватив мальчика за ногу, она придвинула ее к себе, затолкала поглубже в башмак и принялась перевязывать шнурок. Из-за спешки пальцы ее путались, и она склонилась ниже. Мальчик вдруг увидел красные бугры у нее за ушами и опушенный тонкими кудряшками затылок. Нога его дергалась и даже приподымалась, но он так увлекся созерцанием того, что всегда было скрыто от его глаз, что ничего не чувствовал.

Особенно потрясали эти тонкие кудряшки, которые мальчик видел у девочек, когда еще жил в детском доме. Но то были девочки, а это взрослая тетя, у которой лицо, как мыльница, и ладони больше, чем у дворника дяди Коли.

Виолетта Викентьевна вдруг поднялась, вырастая почти до потолка.

– Идем, – выдохнула она.

Женщина открыла дверь, вывела мальчика и закрыла дверь, все время придерживая свободной рукой что-то пониже спины.

Пока она возилась с дверью и юбкой, мальчик повернул голову.

И вдруг увидел в самом конце коридора, бесконечного, как вокзал, видение. Тоненькая девочка в голубом платице медленно летела навстречу.

Ее появление в неизменно пустынном коридоре было похоже на сон, и, наверное, от этого в первый момент ему показалось, что она плывет над землей, полупрозрачная и невесомая, как пушинка.

Но вслед за тем он обнаружил, что она все-таки идет, равномерно перебирая ножками в белых гольфах, и понял, что видит перед собой живое существо.

А поскольку это было живое существо и оно не могло пропасть в любую секунду, то стоило присмотреться к нему внимательнее.

Несмотря на расстояние, мальчик вмиг, точно был вооружен подозрительной трубой, разглядел темные локоны, высокую челку, слегка раскосые глаза и вздернутый носик. От девочки исходило голубоватое сияние, и в этом сиянии он не сразу увидел высокую худую тетю, одетую в такую же серую пару, как Виолетта Викентьевна, которая шла рядом с девочкой и держала ее за руку. На миг задержав взгляд на скуластом лице худой тети, мальчик увидел на нем выражение растерянности и точно такого же страха, которое было у Виолетты Викентьевны, когда они застряли в предбаннике.

«Они все боятся», – сделал вывод мальчик.

Вслед за тем он перенес внимание на девочку в голубом платье. Она уже подошла на несколько шагов, и мальчик ясно различил удивление и робкую радость в ее скошенных к вискам глазах. Похоже, она тоже не ожидала увидеть кого-то, кто мог бы представлять для нее интерес в этом коридоре, и теперь, сама не замечая того, вся устремилась навстречу мальчику.

Но худая тетя вдруг резко остановила ее, обняла за плечи и повернула назад, прикрыв собой для верности.

В тот же миг Виолетта Викентьевна, больно сжав руку мальчика, припустилась к двери, находящейся в другом конце коридора.

Девочка в голубом платье осталась позади.

На бегу мальчик попытался обернуться, но тщетно. Добежав до двери, Виолетта Викентьевна с разгону распахнула ее, втокнула в нее мальчика и тут же заскочила следом, отрезая ему последнюю возможность еще раз взглянуть на чудесную девочку.

Стукнула дверь – и в коридоре воцарилась мертвая тишина.

Происшествие в Столярном переулке

Этот двухэтажный особнячок примостился под крылом громадного НИИ и был почти незаметен. То есть, если судить по справедливости, этот НИИ был построен рядом с особнячком, поскольку тот был заложен еще в начале прошлого века, в то время как НИИ появился здесь лишь во второй его половине. Но как бы там ни было, особнячок, представлявший некогда предмет гордости богача из купеческой гильдии, был неприметен на фоне серых бетонных плит НИИ и казался небольшим придатком к нему, вроде склада или выносной лаборатории.

Однако это было не так.

Особнячок был сам по себе, и только знающие люди имели представление о том, кому принадлежит это чудом избежавшее чугунной бабы здание.

Впрочем, и обыкновенный человек, имеющий пяток минут свободного времени и внимательный взгляд, мог бы кое о чем догадаться. Так, например, его внимание наверняка привлекли бы окна, забранные изнутри прочной стальной решеткой, которая, правда, в глаза не бросалась, так как была искусно замаскирована оконной рамой. Но все же решетка была – во всех без исключения окнах на обоих этажах. Кроме того, виднелись квадратики сигнализации, что окончательно исключало возможность проникновения в дом через окна.

Входная дверь, несмотря на внешне неказистый вид, была обита сантиметровым железом с обеих сторон, а ее намертво вмонтированные косяки выдержали бы удары средневекового тарана. Мало того, над дверью виднелась пуговка камеры видеонаблюдения, поэтому случись что, сюда уже через минуту мчался бы отряд вооруженных до зубов спецагентов.

Дело в том, что неприметный особнячок в Столярном переулке был не чем иным, как архивом, что и смог бы установить каждый, кто хоть на пару минут вошел бы в обитую сантиметровым железом дверь. Комнаты обеих этажей, и даже подвал, были уставлены рядами шкафчиков и стеллажей, на которых размещались тысячи коробок с папками и вошными конвертами, украшенными грифом особой секретности. Датирование на папках разнилось, но общий временной промежуток не составил бы и трех десятков лет. (Причем последние годы впритык достигали даты распада СССР.) Но в том-то и загвоздка, что путь посторонним намертво преграждала та самая дверь, а также круглосуточный пост охраны, размещавшийся в непосредственной близости от двери, через коридорчик, на отведенной для этой цели площади в десять квадратных метров. На них отлично разместились обитая износостойким дерматином кушетка, стол-поставец с электроплиткой на одну конфорку и новеньким электрочайником, портативный телевизор и рабочий стол, над которым мерцал монитор с видом прилегающего ко входу пяточка, а на самом столе отливал черным лаком телефон экстренной связи.

Несший в этот мартовский вечер дежурство Александр Михайлович Терехов считал, что не мешало бы установить несколько камер по всему периметру здания, включая и внутренние покои, и, само собой разумеется, подвал. Также в обязательном порядке требовались датчики движения и в идеале датчики, реагирующие на изменение температурного режима. А пока объект оставался без оных, он представлял собой легкую добычу для всякого, кто надумал бы посягнуть на содержащиеся в коробках сокровища. (Александр Михайлович не сомневался, что в хранилище лежат документы необыкновенной важности, и это придавало его отношению к службе неутомимое и восторженное рвение, свойственное в первую очередь бывшим военным, из которых, собственно, Александр Михайлович и поступил в архивные сторожа.)

Подполковник запаса Терехов нес свою нынешнюю службу исправно и с удовольствием. Исправно, потому что с юных лет привык к дисциплине и твердому распорядку. С удовольствием, потому что платили здесь вовремя и не жадничая. С учетом получаемой пенсии Александр Михайлович и в свои шестьдесят три мог причислить себя к завидным женихам, если

бы не хранил верность покойной жене и не жертвовал всю до копейки зарплату единственной дочери, обремененной тремя детьми и их непутевым отцом.

Кроме того, сопричастность к важному делу давала ему устойчивое ощущение собственной полезности, а это здорово бодрило и помогало без всяких лекарств справляться с подступающими хворями.

Впрочем, до серьезных хворей было далеко. Александр Михайлович был статен и широкоплеч и голову держал молодцевато, как на параде. Тело с годами одрябло, но хватку подполковник запаса сохранил железную. Толстый резиновый эспандер он никогда не выпускал из рук, равномерно сжимая его и разжимая до онемения пальцев. Этот же эспандер он мог, поднатужившись, вывернуть в восьмерку, что было под силу разве что цирковому силачу. Словом, попадись кто ему в руки – целым бы не ушел, это точно.

Он сделал очередной доклад диспетчеру о том, что на посту номер тридцать два все в порядке, и собрался попить чаю. Не так давно он обнаружил магазин, где продавали бисквитные сэндвичи – точь-в-точь такие, как раньше. Вот с ними-то он и намеревался сегодня попить чаю. Поставив кипятиться воду, Александр Михайлович начал выкладывать сэндвичи на тарелку, и в этот момент в дверь позвонили. Странно. Вечером архив никто не тревожил. А если бы кто вознамерился нанести визит, обязательно предупредил бы по телефону.

Александр Михайлович нахмурился и, забыв о сэндвичах, шагнул к монитору. Увидел на экране двух мужчин.

Первый плотный, стриженный под ежик, в черной кожаной куртке спокойно смотрел на дверь, в ожидании, когда ее откроют. Второй, повыше ростом и помоложе, стоял на шаг позади, левая рука висела вдоль бедра, правую держал в кармане. Но вряд ли он готовился выхватить пистолет. Скорее, поза у него равнодушно-выжидательная.

Александр Михайлович еще раз посмотрел на первого. Тот нетерпения не проявлял, видимо хорошо зная, что и первый звонок был отлично расслышан охранником.

Выглянув в окно, Александр Михайлович увидел приткнувшийся к бордюру джип, густо заляпанный чуть не до крыши бурым льдистым крошевом. Очевидно, эти двое приехали на нем, а до того целый день мотались по дорогам. По своей охоте так не ездят. Сразу видно, люди при исполнении.

Александр Михайлович нажал кнопку громкой связи, не отрывая взгляда от монитора.

– Вы кто?

Первый из мужчин пригнулся к микрофону.

– Майор Филин, – негромко представился он. – Девятое управление.

Девятое – это служба охраны президента, сообразил Александр Михайлович. Этих каким ветром сюда занесло?

Впрочем, если приехали, то, надо полагать, не развлечения ради. Парни из президентской охраны зря свой хлеб не едят, это всем известно.

– Сейчас, – сказал Александр Михайлович.

Он сунул пакет с сэндвичами в стол и вышел в коридор. На секунду заколебался, подумав о том, что надо бы предварительно позвонить диспетчеру. Но затем решил, что сперва проверит удостоверение, а позвонить можно и после, и открыл маленькое окошко в двери.

– По какому вопросу? – спросил он, глядя в квадратик проема на хорошо вылепленное лицо майора.

– По служебному, отец, – усмехнулся тот.

Но усмехнулся необидно. Видно было, что устал за день, как собака, и кто знает, не придется ли ему колесить еще и всю ночь?

Александр Михайлович почувствовал расположение к майору. Сам служил, знает, что такое сутки на ногах.

– Ваше удостоверение, – потребовал он, стараясь, чтобы его голос звучал не слишком грубо.

Майор просунул в окошко удостоверение.

Александр Михайлович отклонился в глубину коридора, ближе к свету, раскрыл документ.

Филин Сергей Алексеевич, майор, Девятое управление. Так, печать, голограмма, все как полагается. И еще один, особый, знак на месте. Хотя, при современном развитии печатной технологии, подделать можно все что угодно.

Александр Михайлович вернул удостоверение майору. И пока тот засовывал его во внутренний карман, глянул на него еще раз. Сорок едва стукнуло, а волосы уже седые. Мощная челюсть, низко посаженная голова. Взгляд прямой, умный, уверенный, но не чрезмерно, не до наглости, как это часто бывает у подобных молодцев. Безволосое запястье шириной в приклад. И плечи, как у борца. Силы, видно, хватает. «Хотя вряд ли, – с гордостью подумал Александр Михайлович – он сожмет мой эспандер больше раз, чем я».

– А это кто?

– Старший лейтенант Рябов, – сказал Филин, не оборачиваясь. – Витя, удостоверение.

Второй молча протянул из-за его спины удостоверение.

«Устали ребята, – подумал Александр Михайлович, мельком глянув в осунувшееся лицо Вити. – Должно быть, хватает работы».

Проверка удостоверения старшего лейтенанта Рябова Виктора Сергеевича также не выявила никаких видимых нарушений.

– По какому вопросу? – официальным тоном спросил Александр Михайлович.

– Нужны кое-какие документы из комнаты номер двадцать два, – ответил Филин.

Ответ был правильный. Человек не из системы ответил бы по-другому.

Но Александра Михайловича точил червь сомнения. На дворе практически ночь, а эти двое пожаловали на своем залепленном грязью джипе. И сверху не звонил никто. Конечно, бывает форс-мажор. Но и для форс-мажоров имеется предписание.

– Я не получал сигнала о вашем приезде, – сказал он скрипуче.

– И не должно было быть никакого сигнала, – спокойно возразил майор Филин. – Вот прочтите.

Он достал из кармана сложенный вчетверо листок и вручил Александру Михайловичу.

Тот взял листок, развернул, отодвинулся вглубь.

«Предоставить майору Филину возможность посетить комнату номер двадцать два и изъять во временное пользование те документы, которые он посчитает нужными», – прочитал под стандартной шапкой бланка Александр Михайлович.

Внизу печать, подпись: генерал Елихин. Все чин по чину, не подкопаешься.

Однако Александр Михайлович медлил. Во-первых, такого генерала он не знал. Во-вторых, смущало время суток. Раньше не могли, что ли? Дела замотали, понятно, у всех дела. Но все-таки надо соизмерять, служба-то не детская. В-третьих, формулировка какая-то расплывчатая. Что значит, «которые он посчитает нужными»? Он что, сам не знает, что будет искать?

Из амбразуры тянуло сырым, морозом.

Майор поежился.

– Холодно, отец, – пожаловался он.

У Александра Михайловича дрогнуло сердце. Чего он в самом деле? Люди служивые, невооруженным глазом видно. Все бумаги в порядке. Какого лешего он держит их под дверью, на ледяном ветру?

– Сейчас, – сказал он и захлопнул окошко.

Вернувшись к пульту, разблокировал сигнализацию. Взял ключи и бесшумно вернулся в коридор. На добрую минуту прильнул к двери.

Но, как ни напрягал слух, ничего не услышал.

Александр Михайлович открыл верхний замок и нижний.

И снова замер. Если эти двое сейчас попытаются ворваться, у них ничего не выйдет. Дверь оставалась на кованом засове, который один стоил трех замков.

Но никто не ворвался.

Чувствуя, что сам продрог, Александр Михайлович отодвинул засов и распахнул дверь.

– Прошу.

Майор Филин прошагал мимо него, за ним впритык двигался старший лейтенант Рябов. Александра Михайловича обдало запахом табака и настывшей кожи.

– Проходите, – сказал он в массивные спины.

Он запер дверь на засов и следом за неожиданными гостями вошел в дежурку.

– А вы дотошный, – с одобрительной улыбкой сказал майор.

– Работа такая, – отозвался Александр Михайлович.

Впрочем, похвала немногословного майора была приятна.

– Может, чаю? Я как раз свежий заварил.

– Спасибо, – кивнул Филин. – Не откажусь.

– А вот сэндвичи, – достал Александр Михайлович пакет.

– Бисквитные? – улыбнулся майор. – Обожаю.

Александр Михайловичу стало еще приятнее. Вот занятой человек, а не строит из себя недотрогу. И на душе спокойнее, когда гость не отказывается разделить с тобой трапезу.

– Витя, ты давай пока в двадцать вторую, – обернулся к напарнику майор. – Я скоро подойду.

– Второй этаж, – подсказал Александр Михайлович.

– Мы знаем, – заметил майор.

Александр Михайлович кивнул.

– Ну да, конечно.

Старлей исчез в дверном проеме. Послышался размеренный скрип деревянных ступенек.

– С сахаром? – спросил Александр Михайлович.

– Да, – рассеянно кивнул Филин. – Две ложки.

Он подошел к окну, выглянул наружу. Казалось, его что-то беспокоит, хотя по лицу его ничего нельзя было понять.

Александр Михайлович налил чаю, положил сахару, ограничив себя одной ложкой, и позвал гостя.

Тот подошел, стоя взял чашку, начал пить большими глотками, не боясь обжечься.

– Угощайтесь, – двинул Александр Михайлович тарелку с бисквитами.

– Нет, спасибо, – отказался Филин. – В другой раз.

Александром Михайловичем овладело смутное беспокойство. Он машинально взял бисквит, откусил, но вкуса не почувствовал. Он неотрывно следил за майором, стараясь, чтобы тот этого не заметил, и оттого странно косил глаза, напрягая их до боли в переносице.

«Я же так и не доложил диспетчеру, – вспомнил он. – Хотя, наверное, надо звонить самому полковнику Вадимову. И как быть? Позвонить сейчас? *Этот* рядом. Поди, и остался для присмотра. Придется ждать, пока уберутся. Или все-таки позвонить при нем? В конце концов я тоже при исполнении».

– А какие бумаги вам нужны? – спросил он, стараясь, чтобы голос его звучал заинтересованно, но, в общем, без особого рвения. – Может, я чего подскажу, чтобы быстрее было?

– Так, – сказал Филин. – Мелочь. Да ты не волнуйся, отец. Мы ненадолго.

Он уловил взгляд, брошенный Александром Михайловичем на телефон.

– Не стоит тревожить начальство, – улыбнулся он. – Время позднее. Не поймут.

Он со стуком поставил пустую чашку на стол.

Александр Михайлович вздрогнул.

– Да я и не собирался.

– Ладно, – сказал майор. – Пойду, гляну, как там мой помощник. Спасибо за чай.

– На здоровье.

Майор, чуть сутуля плечи, прошел в дверь. Тревожно завизжали ступеньки, каждая на свой лад.

Александр Михайлович считал.

– ...семь, восемь, девятая не скрипит, десять.

Площадка.

Скрип стал тише и совсем затих, когда майор достиг второго этажа.

Александр Михайлович, отложив надкушенный и забытый сандвич, вслушивался еще какое-то время.

«Звоню Вадимову, – решил он. – Доложу, а он пускай принимает решение. Уволить может. Или выговор объявит, премии лишит... Черт с ним, это после. Сейчас главное – доложить».

Он поднялся, стараясь двигаться как можно тише, хотя в этом не было особенной необходимости, и снял трубку телефона. Три цифры ноль, девять и тройку – надо набрать, чтобы соединиться со станцией и запросить связь с начальником охраны.

Он просунул палец в кружок с нулем и медленно довел его до упора. Не отпуская и все время прислушиваясь, так же медленно вернул его назад и вставил палец в девятку.

И вдруг у него закружилась голова и сдавило горло.

Из дверного проема на него смотрел майор Филин. В первый момент Александру Михайловичу показалось, что тот наплывает на него всеми своими плечами и необъятной грудью. Но майор не двигался, только смотрел неподвижным взглядом, в котором не было места ни сомнению, ни пощаде.

«Как он спустился? – пронзила Александра Михайловича судорожная мысль. – Ведь ступеньки же не скрипели».

– А я по краешку, где гвозди, – сказал Филин.

– Чт-то? – не понял Александр Михайлович.

Палец его застрял в девятке, но он не мог оторваться от глаз майора и забыл про телефон.

– Положи трубку, отец, – попросил майор.

Голос его звучал мирно, как если бы он говорил о чае или о бисквитах. Но взгляд был звериный, завораживающий, и Александр Михайлович под ним вдруг встрепенулся, как почувывший смертельную опасность олень, и что было сил завращал телефонный диск, как будто только в этом и состояло его спасение.

Филин с непостижимой для такой туши скоростью подскочил у нему и одной рукой перехватил трубку, а второй взял его за горло.

Александр Михайлович как бы разделился надвое. Одна его половинка силилась вырвать трубку, вторая, бросив диск, вцепилась в предплечье майора и пыталась отодрать его от себя.

Чуть сощурившись, майор усилил давление обнявшей шею руки, одновременно напирая на сторожа корпусом. Тот, забыв о трубке и слыша, как захрустели его хрящи, вцепился в душаскую его руку уже двумя руками, силясь подсунуть свои пальцы под пальцы майора, чтобы отогнуть их и оторвать от себя.

Но с запоздалым ужасом Александр Михайлович понял, как слабы его гнущие медяки пальцы против пальцев майора, обвивших шею. Он дернулся раз, другой, в ушах заложило, забились будто бы сами по себе вытянутые в страшном напряжении ноги, поплыли в глазах багровые круги на черном фоне.

Пытаясь в последней надежде найти опору, Александр Михайлович откинул назад правую руку, уперся было ею в стол и, может быть, в отчаянном рывке умирающего сумел бы

сбросить с себя гибельную тушу. Но рука его попала в тарелку с бисквитами, раздавила их и скользнула далеко в сторону. Александр Михайлович ощутил еще под спиной поверхность стола, рванулся было, царапнул скрюченными пальцами по чему-то гладкому и тугому, – но то было его последнее осмысленное движение.

Продолжая одной рукой удерживать свою жертву за горло, майор Филин поднял трубку, брошенную Александром Михайловичем, и приложил к уху. Там было тихо: набор номера, прервавшись после девятки, ждал продолжения.

Убедившись, что никто на том конце не встревожен, Филин опустил трубку на рычаг телефонного аппарата.

По телу сторожа пробежала легкая судорога. Майор не без труда отцепил его руку от своего предплечья, криво при этом усмехнувшись. Подержав за горло еще немного, он нагнулся над распростертым телом, убедился по остекленевшим глазам, что сторож мертв окончательно, и одним движением, ничего не стоящим ему физически, сволок его за ставшую внезапно тонкой и вертлявой, как у гуся, шею со стола на пол.

– Готов? – спросил от дверей старший лейтенант Рябов.

– Угу, – промычал Филин, озабоченно оглядываясь.

– План «Б»?

Филин глянул на наручные часы. До доклада диспетчеру еще полчаса.

– Угу.

Рябов шагнул в комнату, недовольно оглядел разбросанные по столу и полу бисквиты.

– Намусорил дед.

– Прибери тут, – распорядился майор. – Я наверх.

– Есть.

Оставшись один, Рябов на минуту задержался перед телом сторожа.

– Надо было тебе, – пробормотал он.

Наверху стукнула дверь. Шмыгнув носом, Рябов ногой перекатил сухое тело старика ближе к двери, вооружился веником и принялся сметать бисквиты и крошки, не пропуская ни одного сантиметра пола, вымытого перед обедом Александром Михайловичем с любовью и большим знанием дела.

Совещание

– Разрешите, товарищ генерал? – спросила Рита, влетая в кабинет.

Она тяжело дышала, хотя старалась, чтобы этого не было заметно. Минуту назад ее нашли в лаборатории, где она дожидалась результатов экспертизы, и приказали срочно явиться в кабинет шефа. Она пыталась возражать. Результаты вот-вот будут готовы, пять минут ничего не решат. Но ей сказали, что лучше поторопиться – у шефа что-то очень важное, и Рита, хлопая дверями, помчалась на вызов.

В кабинете шефа уже сидели майор Вировойша, капитан Сергеев и старший лейтенант Ивакин. Компания была серьезная. По пустякам такую группу не собирают.

У Риты дрогнуло сердце. Может быть, это наконец ее шанс?

– Садитесь, старший лейтенант, – процедил генерал Шляпников.

Был он высок, еще строен, худ, имел вытянутый череп, маленький рот и узкие глаза. По сходству фамилии, а также из-за того, что начальник отдела обладал какой-то просто механической выносливостью, подчиненные прозвали его Цилиндр.

Рита села возле Ивакина, взглядом спросила его: ну что? Однако Ивакин, обычно такой отзывчивый, сдвинул брови и перевел взгляд на шефа. Значит, поняла Рита, дело и вправду особой важности.

– Итак, все в сборе, – констатировал Шляпников. – Продолжим.

«Продолжим, – мгновенно отметила Рита. – Значит, уже что-то говорилось до меня. Как всегда, не посчитали нужным дождаться. Ну, конечно, я же у них *балласт*».

Она один раз слышала, что так ее аттестовал майор Вировойша. Правда, было это больше года назад, но забыть подобную аттестацию было выше сил Риты. И всегда, когда чувствовала необходимость обидеться в ответ на небрежение или отыскать в себе заряд злости к вышестоящему начальству, сразу вспоминала это словцо – «балласт». И помогало. Она сразу ошетикивалась, как еж, и начинала быстрее соображать и переживать в разы меньше прежнего.

– Вчера на диспетчерский пункт в условленное время не поступил звонок из объекта, расположенного в Столярном переулке.

Цилиндр цедил слова неторопливо, отделяя одно от другого, при этом глаза его переходили с одного сотрудника на другого, оценивая, насколько тот или иной сотрудник отвечает поступившей задаче.

Рита всегда ходила в «легковесах» и страдала от этого неимоверно. Вряд ли кто-нибудь из этих мускулистых самцов подозревал, насколько ее томят нереализованные мечтания. А ведь она готова была к подвигу, как птица к полету. На тренировках она вкалывала так, что еле доползала до раздевалки. В тире побила все бывшие до нее женские рекорды и упорно подбиралась к мужским. А с документами и свидетелями готова была работать круглые сутки, забыв о сне и пище. И что же? Все впустую. Ничего сколько-нибудь существенного ей не поручали, а отделялись незначительными делами. Она, конечно, и при работе с ними находила возможность отличиться, но хоть бы раз дело дошло до стрельбы, до рукопашной. Уж она бы себя показала!

А время меж тем шло, она стала старшим лейтенантом, но желаемого отношения к себе так до сих пор и не снискала.

Быть может, сегодня ее жизнь изменится к лучшему?

– Охранник, дежуривший в ту смену, подполковник в отставке, Терехов Александр Михайлович, в условленное время не вышел на связь, – продолжал размеренно говорить генерал Шляпников. – Когда на место прибыла тревожная группа, было обнаружено, что Терехов исчез.

– Что за объект? – спросил, хмуря лоб, майор Вировойша.

- Архив одного из отделов нашего управления, – чуть помолчав, сообщил Шляпников.
- Что-то пропало? – спросил Вировойша. – Помимо сторожа?
- Пропало, – подтвердил шеф. – Из трех комнат была вынесена часть документов.
- Известно, какие документы?
- В общих чертах.
- То есть? – удивился Вировойша.
- Отдел, которому принадлежит архив, занимался разработкой психогенного оружия, – постукивая перед собой указательным пальцем, проговорил Шляпников.
- А! – тихо проронил старший лейтенант Ивакин.
- Вот именно, – глянул на него своими узкими глазами Цилиндр. – Соображаете, что к чему?
- Соображаю, – кивнул Ивакин.

Невысокий, плотный и уже лысеющий, на незнакомых людей он производил впечатление простака-интеллигента. Казалось, что, кидаясь ко всем и каждому с восторженным воплем «старик!», он думает лишь о даровой выпивке и о возможности решить свои материальные проблемы, смешные для любого уважающего себя дельца. И легко втирался в доверие, и выуживал как бы вскользь из прожженных хитроулов наивнейшую информацию, о чем они, не видя в нем опасности, даже не догадывались. А потом грызли на следствии локти, недоумевая, как они пропустили этот быстрый, щупающий взгляд, эту бульдожью челюсть и способность не падать с ног даже после двух литров сорокаградусной.

- Наша задача, – перешел к главному Шляпников.

Из дальнейших слов генерала выяснилось, что пропавший сторож действовал, скорее всего, не один. В архиве были обнаружены следы посторонних, предположительно двух мужчин. Они, видимо, и помогли Терехову вынести документацию. Также неизвестные устроили сторожу «коридор», поскольку попытки отыскать последнего ни к чему не привели. Последние записи видеосъемки пропали.

- А может, – высказал предположение молчавший до того капитан Сергеев, – сторожа убили?
- Может, – уставился на него Цилиндр.

Капитан Сергеев, смугловатый, бровастый, похожий на актера Колина Фаррела, всегда и на все имел свою точку зрения. То, что она могла быть несхожей с другими, его не смущало. Как не смутил его сейчас взгляд шефа. Он прекрасно знал, что скрывается за этим взглядом. Знал он также, что Цилиндр не любит, когда опускают глаза, а также когда пристально на него смотрят. И нисколько этим обстоятельством не тяготился. Он не юнец-стажер, и все эти штучки ему неинтересны, говорил его ответный взгляд. Если есть что сказать по делу, он скажет. Это его позиция, и хоть вы его тут расстреляйте – он от нее ни на шаг не отступит.

Чуть помолчав, Шляпников продолжил:

- Следов борьбы не обнаружено. Все выглядит так, будто сторож действовал заодно с неизвестными. Хотя версия его убийства не исключается.
- Его могли убить после того, как вывезли документы, – быстро проговорила Рита.
- Сейчас же взгляд Цилиндра переполз на нее. Но так как она решила, что ничего серьезного ей не поручат, то взгляд шефа не произвел на нее ровно никакого впечатления.
- Поизучав ее лицо, Шляпников холодно согласился.
- Могли.
- И снова многозначительно замолчал.

Рита едва сдержалась, чтобы не зевнуть. Господи, какая скука. Хоть бы ее скорее отпустили. Дел по горло, а она тут вынуждена участвовать в психологических тестах начальства. Как эти мужчины порой глупы! Хотя почему, собственно, порой?

– Возможно, – заговорил неторопливо Шляпников, – сторож выкрал документы в одиночку. При этом он инсценировал присутствие посторонних с целью запутать следы. Возможно, посторонние участвовали в краже и помогли сторожу скрыться. Возможно, сторож был убит после похищения. Все это необходимо выяснить в кратчайшие сроки. Это поручается...

Цилиндр сделал короткую паузу.

У Риты замерло сердце. Ну!

– Старшему лейтенанту Ивакину.

– Есть, – подтянулся Ивакин.

Рита усмехнулась про себя. Можно подумать, она не знала, что подобное задание достанется не ей.

– Далее, – продолжал шеф. – Мы должны установить, кому понадобилось похищать документы и с какой целью. Ибо может оказаться, что похитители и заказчики суть разные лица.

– Хорошо бы, – заметил вкрадчиво Вировойша, – узнать, что за документы были похищены.

– Кое-что мы знаем, – кивнул Цилиндр, открывая папку и опуская в нее взгляд. – Документы были похищены из трех комнат. Из двенадцатой, из двадцать второй и двадцать девятой. В двенадцатой хранились документы, относящиеся к разработке спектрального индуктора. Его возможности позволяли влиять на генетические изменения в организме. Причем в массовом порядке.

– Штука серьезная, – вставил Сергеев, играя глазами.

– Более чем, – подтвердил Шляпников. – Есть версия, что преступников интересовала именно эта разработка. Хотя до выяснения всех обстоятельств мы ничего не можем утверждать. Далее. Из двадцать второй комнаты пропали досье детей, из которых двадцать пять лет назад хотели сделать провидцев или что-то в этом роде.

– Научная фантастика, – вежливо заметил Вировойша.

– Может быть. Но нас это не касается. Мы должны найти тех, кто это сделал. Идем дальше. Документы из комнаты номер двадцать девять относились к разработкам, направленным на возможности использования приматов в качестве разведчиков.

– Ого, – уважительно сказал Сергеев, – просто какой-то Беляев.

Ивакин прыснул, зажимая рот кулаком. Вировойша едва сдерживал улыбку. Рита кусала губы.

– Напрасно вы развеселились, – заметил Шляпников. – Дело поставлено на учет в правительстве.

– Но, товарищ генерал, – возразил Сергеев, – если эти документы пылились в архиве, значит, грош им цена. Разве не так?

– Действительно, – кивнул Шляпников, – разработки, о которых идет речь, были заморожены ввиду их неперспективности еще при старом строе. Но не надо забывать, что тогда ничего зря не делали. И те, кто выкрал документы, хорошо об этом знают. Поэтому прошу оставить веселье.

Он обвел оперативников взглядом, который не сулил им ничего хорошего. И когда они один за другим, как расшалившиеся дети, присмирели под этим взглядом, мерно продолжил:

– Вряд ли похитителям, или, правильнее, заказчикам, нужны были все документы. Скорее всего, их интересовало что-то одно. Но выяснить мы это сможем только после того, как отработаем пропавшие документы из всех трех комнат. Надеюсь, это понятно?

– Так точно, товарищ генерал, – ответил за всех Вировойша.

– Хорошо. Тогда распределим направления.

Цилиндр сделал паузу – и все замерли. Начиналось самое интересное – раздача заданий.

– Итак, – начал шеф, заметно ускоряя речь и окидывая быстрым взглядом каждого, кого упоминал, – старший лейтенант Ивакин занимается охранником. Комната номер двенадцать поручается майору Вировойше. Он же назначен старшим группы.

– Есть, – отчеканил, не разжимая зубов, Вировойша.

– Комната номер двадцать два за старшим лейтенантом Черновой. Комната номер двадцать девять – за капитаном Сергеевым.

– Есть, – произнесли в один голос Рита и Сергеев.

– К работе приступить немедленно. Незаконченные дела отложить.

– Но, товарищ генерал, – взмолилась Рита. – Я почти добила Красильникова!

– Отложить, – неумолимо повторил Цилиндр. – Дело на контроле правительства. Вам ясно, товарищ старший лейтенант?

– Так точно, – сдалась Рита.

– Тогда закончим прения. Вся информацию найдете в своих компьютерах. Выходные, праздники, болезни отменяются. Результат нужен не позднее чем через две недели. Вопросы?

Все промолчали.

– Свободны.

В кабинете Вировойши прения, носившие характер скорее личных жалоб, продолжились.

– Хорошенькое дело, – говорил, быстро шагая из угла в угол, Сергеев. – С павианами дружбу заводить. Вся жизнь об этом мечтал.

– Ну почему с павианами, старик? – возразил Ивакин. – Там еще шимпанзе есть, очень милые зверюги.

– Гиббоны, – подсказал, посмеиваясь, Вировойша.

– Орангутаны, – добавил Ивакин.

– Скажите еще, гориллы, – огрызнулся Сергеев.

Он насупил брови, выпятил губы и поболтал у себя под мышкой тыльной стороной ладони.

Все покатались со смеху.

Рите было не до смеха. Она понимала, что самое худшее из заданий досталось, как всегда, ей. Вировойше поручили главное направление – кто бы сомневался. Тут уж он себя покажет во всей красе. Ивакину дали хорошую, с перспективой работу. Даже приматы Сергеева могли чего-то стоить. Одной ей не везет.

Впрочем, иного и не следовало ждать.

– Зря вы, товарищ капитан, разоряетесь, – сказала она сердито. – Во всех ареалах обитания приматов идут либо локальные, либо международные войны. Возможно, кто-то решил, что использование обезьян в качестве разведчиков имеет большие шансы на успех. Американцы, например, самостоятельно разрабатывали подобные программы.

– Ну, если только американцы, – всплеснул руками Сергеев. – Вот теперь я спокоен.

Ивакин снова засмеялся.

– Вы чего не в духе, товарищ старший лейтенант? – официально, хотя и с дурашливой ноткой в голосе, поинтересовался Вировойша.

– Дел полно, товарищ майор, – ответила Рита. – Не знаю, как потом разгребу.

– Можно подумать, у нас мало дел, – возмутился Сергеев. – Саня, у тебя мало дел?

– Выше крыши, – отозвался Ивакин.

– Вот. Так что не заморачивайтесь напрасно, Маргарита Андреевна. Всей работы не переделаете. А начальству виднее, чем нас занять. Приказали все бросать – бросайте и не сомневайтесь. Жизнь покажет, что и как.

– Хорошо тебе говорить, – вздохнула Рита. – Ты хоть с обезьянами работать будешь. А мне досталось невесть что. Дети-провидцы. С ума сойти.

– Ты не бойся, Рита, – сказал Ивакин. – Они все уже перемерли к этому времени.

– Точно, – поддержал его Сергеев. – Установишь, кто когда отдал концы, и дело в шляпе. Пардон...

Он обернулся на дверь.

Ивакин засмеялся.

– Боюсь я нашего Цилиндра, – пожаловался Сергеев. – Вечно он некстати появляется. Только про него подумаешь, а он уже тут как тут...

Он осекся на полуслове. Дверь приоткрылась, и в первую секунду все подумали, что сейчас увидят тощую физиономию шефа. Но это был сосед Вировойши по кабинету – подполковник Козлов, который заглянул, чтобы позвать его на обед.

– Сейчас иду, – сказал Вировойша.

Когда дверь закрылась, все засмеялись, глядя на Сергеева. Рита тоже засмеялась. Напряжение, вызванное новым заданием, исчезло. Она поняла, что изменить ничего не удастся и надо принимать обстоятельства такими, как есть. А эти зубоскалы не самая худшая компания в управлении.

– Ладно, – сказал Вировойша, и губы его плотно сомкнулись. – Делу время – потехе час. Шеф предупредил о важности задания, повторять не буду. Начинаем с этой минуты.

– А как же ваш обед, товарищ майор? – напомнил с ехидцей Сергеев.

Они были ровесниками с Вировойшей и в обычной жизни общались на «ты». Но то – в обычной. Все знали, что Вировойша – карьерист, что он лезет в генералы, и что пролезет, и что устав для него превыше всего. Поэтому Сергеев мог шутить сколько угодно, но, если в служебной обстановке он даже в шутку нарушит хотя бы один параграф субординации, Вировойша тут же одернет его, как старший младшего. И как Сергеев ни был дерзок, и как ни презирал Вировойшу за карьеризм, он должен был, хочешь не хочешь, с майором считаться.

– Обедаем – и за дело, – глянув на часы, сказал Вировойша. – Все, расходимся.

На лестнице Сергеев обернулся.

– Рита, пойдем с нами в кафешку. Выпьем по бокалу пива, по бутерброду слопаем, обсудим задание. Время есть, слышала, сам Вировойша разрешил.

В голосе его прозвучал откровенный сарказм.

«Шутки шутками, а завидует, – подумала Рита. – И переживает, должно быть. Не одна я».

В душе ее шевельнулось теплое чувство. Она уже хотела принять предложение, но затем вспомнила, что Сергеев слывет в управлении бабником, и передумала.

– Спасибо, Олег, что-то не хочется, – отказалась она. – Нет аппетита.

– Пойдем, Рита, – поддержал приятеля Ивакин. – Давно не работали вместе, надо отметить.

– Не хочешь пива, возьмем тебе лимонад, – добавил Сергеев. – Или чего прикажешь. Мы ребята простые, с нами без церемоний.

Рита посмотрела на его черные брови. Болтал бы меньше, цены бы ему не было.

– Нет, ребята, не пойду. Давайте лучше в другой день.

– Заметано, – кивнул Сергеев. – Значит, завтра. Пошли, Саня. А то товарищ майор нас оштрафует, если опоздаем.

Он кивнул Рите, сунул руки в карманы и упруго запрыгал по лестнице вниз. За ним вперевалку, как большой кот, затопал Ивакин.

Рита проводила их взглядом, почему-то вздохнула и пошла наверх.

Еще одна смерть

Женщина сидит в глубоком кожаном кресле и глазами, полными ужаса, смотрит на человека, сидящего перед ней. Она молода и ухожена, хотя искаженное страхом лицо кажется старше своих лет. У нее черные волосы со стрижкой каре, раскосые глаза и высокие скулы.

– Что вы от меня хотите? – спрашивает она, сдерживая рыдание.

У нее чистое московское произношение. Ее пальцы унизаны диковинными перстнями, на запястьях – множество браслетов. На полной красивой груди лежит серебряный медальон с изображением пирамиды и бога Озириса.

Она привязана к подлокотникам кресла тонкими капроновыми шнурами так, что стоит ей пошевелиться, как шнуры врезаются в нежную кожу ее предплечий.

– Что вы от меня хотите? – спрашивает она и жадным взором впивается в человека напротив.

Она хочет понять, чего ожидать от него. Ее взгляд привык смотреть на человеческие лица, определяя характер их обладателя или его намерения.

Но человек напротив непроницаем для ее искусства. Ей в лицо бьет свет от лампы, и она почти не видит его. Все, что она может различить, – это то, что человек – мужчина.

Но, может быть, его голос даст ей подсказку? Она в который раз задает свой вопрос, но пока ни разу не услышала ответа. Страх ее усиливается, и, как она ни привыкла владеть собой, она не может одолеть мелкой противной дрожи, сотрясающей ее тело. Прошло не более пяти минут с тех пор, как ее усадили в это кресло и сняли мешок с головы. Но женщине кажется, что она сидит уже целый час.

– Почему вы молчите? – выкрикивает она. – Кто вы?

– Не волнуйтесь, – раздается ровный голос. – Вам не причинят зла.

Ее мозг лихорадочно начинает анализировать этот голос. Мужчина средних лет, образование высшее, не москвич, русский. Он хочет казаться спокойным, но его интонация выдает его. Ему что-то от нее нужно, что-то, из-за чего ее похитили прямо с улицы и привезли в это место.

Что ему нужно? Вот что больше всего мучит женщину. Если деньги, она готова отдать. Но ему нужны не деньги, она чувствует это. Сердце обрывается из-за ледящей догадки, хочется кричать до разрыва голосовых связок, но она заставляет себя успокоиться и делать вид, что верит ему.

– Скажите, зачем вы меня сюда привезли? – спрашивает пленница больше для того, чтобы еще раз услышать его голос.

– Сейчас узнаете, – отвечает мужчина.

Слышится скрип двери. Кто-то входит. Она видит, шуря глаза, что это еще один мужчина. Он что-то держит в руках, что-то квадратное. Женщина вжимается в кресло.

– Не бойтесь, – говорит тот, кто сидит напротив нее.

Она молчит, слушая стук своего сердца.

Слышится какой-то шорох. Затем вспыхивает сбоку луч света, и пленница видит перед собой освещенную этим лучом картину. Какой-то коридор, серый, казенный, и крошечная фигурка девочки в голубом платье.

– Что это? – спрашивает женщина. Она в недоумении. Зачем ей показывают эту мазню?

– Вы не узнаете? – спрашивает мужчина.

– Нет, – качает она головой.

– Смотрите внимательнее.

Женщина смотрит. Она готова смотреть хоть всю ночь, но что толку? Эта картина ей ни о чем не говорит.

– Узнаете?

Пленница старается. Она хочет узнать, но у нее ничего не выходит. Быть может, если бы обстановка была иной, она смогла бы что-нибудь вспомнить. Но она не может думать ни о чем другом, кроме как о человеке, который сидит по ту сторону стола, и потому изображение на картине сливается для нее в одно безликое пятно.

Женщина мотает головой, щура глаза на своего мучителя.

– Нет.

– Я прошу вас...

Она различает нотки нетерпения и ярости в его голосе и пугается еще сильнее.

– Я прошу вас, – говорит, сдерживаясь, он, – вспомните, где вы могли видеть этот коридор? Не спешите и смотрите внимательнее.

– Хорошо, – соглашается женщина, мигая и переводя слезящиеся глаза на картину. – Я попробую.

Ей удается прогнать слезу из глаза, и она снова видит перед собой серый коридор и фигурку девочки в голубом платице. Она понимает, что каким-то образом это изображение связано с ее похищением. Она собирает в кулак всю свою волю. Надо вспомнить. Возможно, если она сумеет правильно истолковать картину, отношение к ней изменится.

Надо попробовать.

Женщина умиряет дыхание, заставляет себя на время забыть о том, где она находится, и делает долгий выдох. Ее лицо разглаживается, взгляд становится пристальным, тело перестает дрожать.

Она долго смотрит на картину. Ей не мешают. Люди, которые ее сюда привезли, очень хотят, чтобы она вспомнила. И терпеливо ждут.

Лицо женщины, освещенное сильной лампой, видно отчетливо, как под микроскопом. Растекшийся по щекам грим, сбита прическа. Только рот свеж и по-молодому привлекателен.

Вдруг мужчина замечает, что веки женщины вздрагивают. Глаза ее расширяются. Кажется, что она испытывает сильнейший ужас.

– Что? – спрашивает мужчина. – Что вы видите?

Женщина молчит и не может отвести глаз от картины.

– Говорите, – требует мужчина. – Вы вспомнили?

Пленница вдруг хрипит, голова ее запрокидывается, и она обмякает в кресле, конвульсивно вздрагивает, из ее рта ползет на подбородок желтоватая пена.

– Что за черт! – вскрикивает мужчина.

Он привстает и смотрит на пленницу. Она не подает признаков жизни.

– Филин! – кричит мужчина, роняя картину на стол.

Отворяются двери комнаты, из них выступает квадратная фигура человека.

– Да? – слышится ровный голос.

– Какого черта ты дакаешь? Помоги ей.

Филин быстро подходит к женщине, щупает у нее пульс, поднимает веки и смотрит в остекленные глаза.

Мужчина, худощавый брюнет среднего возраста, одетый в черный костюм, нервно переминается за его спиной.

– Готова, – говорит Филин, выпрямляясь.

– То есть как готова? – взвизгивает брюнет. – Этого не может быть.

– Может, – мрачно возражает Филин. – Кровоизлияние в мозг, сомнений нет. Я видел такие штуки.

– Но, может, ее можно откачать? Если в больницу?

– Не довезем, – качает головой Филин. – Она уже синееет.

Брюнет смотрит на пленницу. По ее смуглому лицу медленно растекается синюшная пелена.

– Черт, – говорит он. – Черт! Как глупо.

В комнату входит еще один мужчина. Он хорошо сложен, одет в светлый костюм, на нем модные очки и коричневые ботинки. Голова его обрита наголо, черты лица приятны.

– Что случилось? – спрашивает он.

– Да... – машет рукой брюнет.

Бритый наголо мужчина подходит к столу и видит покойницу. Его красивое лицо выражает сильнейшую степень озабоченности.

– Она что, умерла? – спрашивает он.

Ему никто не отвечает.

Он поворачивается к брюнету.

– Инсульт, – разводит тот руками. – Я и глазом моргнуть не успел, а она уже того...

Бритый краснеет от макушки до галстука.

– Филин? – спрашивает он. – Неужели ничего нельзя было сделать?

– Ничего, – отвечает Филин.

Бритый поворачивается к брюнету.

– Говорил я тебе: эти эксперименты очень сложны!

– Прошу тебя, не начинай, – перебивает тот.

– Не начинай, – ворчит бритый. – Ты все портишь и просишь не начинать. А *он* говорил, между прочим, что это очень опасно!

– У нас есть еще один, – возражает брюнет.

– Да, есть. Но если и с ним мы будем действовать так же, то не останется вообще никого.

– Нет, – задумчиво говорит брюнет, – с ним мы будем действовать иначе.

– У тебя есть план?

– А когда у меня не было плана?

Они отходят к дверям.

– Филин, – говорит брюнет, – избавься от нее.

– Угу, – мотает головой Филин.

Пока эти двое разговаривают, он вызывает помощника. В комнату входит старший лейтенант Рябов, или просто Витя, как его называет Филин. Он, ничему не удивляясь, отвязывает покойницу и кладет ее в прорезиненный мешок, который принес с собой. С помощью Филина он укладывает мешок на плечо и уходит, сопровождаемый своим командиром.

– А что картина? – спрашивает бритый, указывая на лежащую на столе картину. – Еще понадобится?

– Думаю, да, – подумав, кивает брюнет. – Только на этот раз будем действовать тоньше.

– Надеюсь, – ворчит бритый.

– Перестань! – горячится брюнет. – Вот увидишь, все получится. Правда, придется немного потратиться.

– М-м? – хмурит брови бритый.

– Придется, – твердо повторяет брюнет. – Но все очень быстро окупится.

– Ну-ну.

– Идем, я тебе все расскажу.

Брюнет забирает картину, и они выходят из комнаты.

Вернисаж

Егор приткнул свой «Lexus RX 400h» к бордюру, уточнил еще раз по навигатору, где стоит нужный ему дом, и вышел на пыльную твердь асфальта.

Разминая затекшие ноги, он неторопливо двинулся к серому шестиэтажному зданию, на первом этаже которого открылась выставка художника Стасова.

Такого художника Егор не знал. Открытку он получил сегодня и справки навел едва-едва. Но и того, что узнал, было достаточно, чтобы не пропустить означенное в открытке мероприятие.

Стасов этот, по справкам Егора, слыл чудачком, анахоретом, едва ли не сумасшедшим. Но картины писал потрясающие. Они якобы, картины эти, влияли на судьбы тех, для кого писались: одних возносили к богатству и славе, других превращали в полное ничтожество. Кого-то они исцелили-де от смертельного недуга, кого-то, напротив, свели в могилу. В общем, история заманчивая. Сколько там правды, а сколько вымысла, докопаться сейчас было трудно, как пояснили Егору. Но посмотреть стоило. Тем более что сам господин живописец не далее как месяц назад сиганул из окна своей мастерской прямо на тротуар, где и отдал богу душу. А выставку устроили его друзья с целью сбора средств на достойный памятник мастеру и для издания альбома с репродукциями его лучших картин. Опять же общество ожидалось самое-самое.

Последнее обстоятельство и привлекло Егора. В живописи он понимал мало, в основном руководствуясь детским «нравится – не нравится», а чтобы стать высокопарным снобом, благоговейно взирающим на каждый кусок холста, измазанный черт-те чем и клейменный модной подписью, – это он считал ниже своего достоинства.

История сумасшедшего художника тоже была ему не слишком интересна. Таких персонажей в любом большом городе – пруд пруди, а тех, кто в них верит, и того больше. Копаний же в досужих вымыслах ему хватало по роду своей работы.

А вот повидаться с полезными знакомыми он считал своей прямой обязанностью. Все-таки в немалой степени он был зависим от тех, кто составляет столичный свет, а пренебрегать светом опасно. Без натяжки подобное посещение можно было считать служебным долгом. И хоть Егор относился к людям свободной профессии, он никогда не путал свободу с освобожденностью. Быть изумляюще дерзким он позволял себе только в своих романах, в жизни же придерживался благоразумной золотой середины.

Вся площадка перед зданием была забита машинами. «Линкольны», «Ягуары», «Майбахи», «Бентли» и прочий благородный автometалл сбились бок к боку, как стадо гигантских тропических жуков. Чуть поодаль лежал белым ящером «Кадиллак» Великой Певицы.

Егор почувствовал знакомое покалывание в скулах. Эдакий знак готовности к душевной улыбочивости, к взаимному приятию и восхищению. Надо же, сама Великая Певица здесь! Значит, все общество в сборе. Хорошо, что он не поленился и приехал. Хорошо также, что кто-то додумался прислать ему открытку. Он так и не выяснил у курьера, кто был этот добрый самаритянин, но мысленно воспел ему осанну.

По сторонам, маскируясь чугунной оградой, прятались в неброских машинах фотографы. Кое-кто навел было объектив на Егора, но он уже вскочил в двери вестибюля. Относясь к фотокорреспондентам в общем добродушно, он не любил без нужды подставляться под их объективы.

– Ваше приглашение, – сразу за дверью протянул руку бдительный охранник.

Егор достал из кармана открытку.

– Пожалуйста.

Казалось, вестибюль был набит гиппопотамами в черных костюмах. Кое-кого из этих гиппопотамов Егор знал в лицо и дружески кивнул одному, другому.

Второй привратник обманчиво-сонным взглядом прошелся по его фигуре. На его узком лбу косо, как след от топора, бугрилась одинокая складка.

Третий охранник сверился со списком гостей. Он не спешил, понимая, что внимание если не всего мира, то всего привилегированного мирка, им охраняемого, сосредоточено на нем. Он сверил фамилию трижды и только после этого поднял глаза на Егора.

– Руки, – сказал он.

Егор вскинул обе руки в стороны, демонстративно брэнча выхваченной из кармана связкой ключей.

Его неспешно проверили жезлом металлоискателя.

– Проходите, – сказал наконец первый охранник и отвел руку.

«Точно шлагбаум убрал», – машинально подумал Егор.

Он сбросил пальто на руки гардеробщика и по спиральной лестнице взбежал на второй этаж. Здесь прошел сквозь еще один заслон охраны и попал наконец туда, куда так жаждал попасть, узрев внизу белый «Кадиллак» Великой Певицы.

Выставка представляла собой широкий длинный зал, разделенный коленчатыми перегородками на три части. В средней, самой широкой, фланировала от картины к картине публика, сплошь, как опытным взглядом оценил Егор, составленная из медийные лиц. Звучала приятная музыка, бесшумно скользили официанты с подносами, предлагали на выбор шампанское, коньяк или виски. Туалеты на дамах были сногшибательные: то там, то здесь вспыхивали россыпи бриллиантов.

Егор на секунду зажмурился, собираясь окунуться в этот поток, но тут на него налетела телевизионная звезда Дина Паприкаки. Не давая себе труда поздороваться, только как-то неопределенно мотнув изящной головкой, она по великосветской моде начала разговор так, будто никогда его не заканчивала.

– Представляешь, Егор, а меня просто замучил мой твиттер, – играя живыми черными глазами, затараторила она, подхватывая его под руку. – Я чувствую себя просто какой-то рабыней. Я все пишу, пишу, чуть не каждые пять минут, как я приняла душ, позавтракала, поехала на съемки, на шопинг, на вернисаж, и думаю, никто этого не читает, а они читают и так активно реагируют, что мне просто неловко. И требуют подробностей, и обсуждают мою жизнь, как будто им мало журналов и тиви, и я не знаю, как мне быть, я просто замучена этим твиттером, это какая-то новая форма зависимости, от которой я не представляю, как избавиться. Ты ведешь твиттер?

Егор, ошеломленный этой лавиной информации, покачал головой:

– Нет.

– И напрасно. Очень помогает пиариться без больших финансовых вливаний. Ты только попробуй и очень скоро оценишь все преимущества этого способа. Все Штаты и вся Европа сидят в твиттерах, а там люди зря тратить время не привыкли.

На стенах через большие промежутки висели небольшого формата картины в скромных рамах. Увидев одну из них, Егор, удивленный, потянулся к ней.

– А, – тут же сменила тему Дина, – ты еще не видел этой мазни? Я думала, здесь что-то стоящее, что-то вроде Дали или Кандинского. Столько было разговоров, мне все уши прожужжали: Стасов, Стасов, новый гений... Я и правда думала – гений. А здесь какой-то соцпримитив, или как там оно называлось...

На картине были изображены фигурки детей, над ними что-то вроде леса, а в нижнем углу угадывались очертания церкви. Тона какие-то кирпично-розовые и грязно-зеленые. На первый взгляд, малевал школьник, не подозревающий, что существует композиция и колорит.

Но тут – Егор сразу почувствовал – было подлинное. У него тихонько защемило внутри. В ухо трещала Дина, а он не мог оторвать глаз от странной картины.

– Ну как? – сделав над собой усилие, услышал он. – Я же тебе говорила, мазня. Я и то лучше нарисую. Да что я, мой племянник, такой талантливый мальчик, десять лет, а уже рисует, как Гойя. Знаешь «Капричос» Гойи? Так мой племянник копирует их один к одному. А здесь? Да это даже не картина, это неизвестно что!

Егор увидел стоящего неподалеку художника Тараса Нифонтова, который, улыбаясь, кивал ему и взглядом подзывал к себе.

– Диночка, извини, дорогая, – он ласково снял с руки цепкую руку, – я должен поговорить с Тарасом.

– А, – гибко извернулась она, – понимаю. Но ты все-таки подумай о твиттере. Вот увидишь, потом будешь меня благодарить.

– Обязательно подумаю, – пообещал Егор, сделав прощальный жест кончиками пальцев. Дина одарила его улыбкой и тут же отпорхнула к следующим «ушам».

Егор подошел к Тарасу, поцеловался с ним в обе щеки, на французский манер.

Нифонтов с благородно седеющими локонами в бородке и в спортивном черном свитере выглядел, как показалось Егору, несколько растерянным.

– Как тебе этот Стасов? – спросил Егор.

Картина, возле которой они стояли, изображала дерево, на ветвях которого сидели необычные, неузнаваемые, но откуда-то знакомые – из детства ли, из снов ли – фигурки. Тот же грубый рисунок, та же уродливая палитра, но казалось, что фигурки ведут между собой разговор, что они живы и вот-вот начнут переходить с ветки на ветку и что ты запросто, без напряжения членов, по одному лишь движению души сможешь к ним в любую секунду присоединиться. Или уже присоединился.

Тарас, прищурился красивые восточные глаза, легонько вздохнул, с трудом отрываясь от картины. Его взгляд, преисполненный мудрости и снисходительности самого известного художника России, выразил сожаление.

– Безусловно, это не лишено дарования, – певуче и негромко заговорил он.

Сзади на минуту пристроились две высоченные, ослепительно красивые девицы. Одна из них была восходящей звездой молодежного ситкома, вторая начала успешную карьеру супер-модели. Обе блистали нарядами и явно не знали, где им стоять и как держаться. Егор, сам когда-то новичок, сочувственно им кивнул, но продолжал внимательно слушать Тараса.

– Чувствуется, что у художника есть что сказать, и он пытается это сказать не столько посредством рисунка и краски, сколько посредством общего замысла, – продолжал живописец, изящно жестикулируя и чуть-чуть встряхивая волосами. Обе красотки восторженно дышали ему в затылок. – Но ведь одним замыслом никого не удивишь. Здесь нет школы, нет системы, нет прилежания в конце концов. Если бы он изучал работы старых мастеров Европы, он бы понял, в чем заключается его ошибка. Возможно, он сумел бы справиться со своей небрежностью и сделать более сильные в живописном плане вещи.

– Говорят, его картины влияли на судьбы людей, – улыбаясь, как улыбаются, когда говорят о заведомой чепухе, заметил Егор.

– Все картины так или иначе влияют на судьбы людей, – вздохнул Нифонтов. – Для того и существует искусство и, в частности, живопись.

Он еще раз взглянул на картину – и снова с трудом отвел глаза.

– Увы, о серьезном искусстве здесь говорить не приходится. Хотя, конечно, этот Стасов имеет определенный талант. Он, по крайней мере, искренен, а искренность в нашем деле дорогого стоит. И он философ, хотя и несколько наивный. Да, кстати, Егор...

Тарас взял чуткой рукой Егора под локоть и отвел на два шага в сторону. Красавицы, оставшись одни, неловко помялись у непонятной картины и, стуча каблуками, двинулись дальше, поддерживая друг друга, как две жерди в шалаше.

– Когда ты будешь у меня? – спросил Тарас, так и не глянув им вслед. – Помнится, ты обещал еще два месяца назад.

– Но, Тарас, – виновато улыбнулся Егор, – совсем нет времени. Закопался в писанине, издатель мечет молнии, ни минуты свободной. Сюда вот еле вырвался. А у тебя сеансы, когда мне их высиживать?

– Три сеанса, – сказал Тарас. – Три сеанса по часу. И портрет будет готов.

– Три? – спросил обреченно Егор.

– Три. Обещаю.

– Хорошо. На следующей неделе буду. Но все-таки...

– Да?

– Тарас, ну чем я заслужил, чтобы ты, такой большой, великий художник, занимался мной, маленьким беллетристом?

– Во-первых, не таким уж маленьким, – спокойно возразил живописец. – А во-вторых, у тебя такой взгляд, что я просто не могу его не написать. Поверь, это будет наш лучший портрет.

– Ладно, – сдался Егор. – Убедил.

Он осекся. Из боковой галереи вышла Великая Певица, сопровождаемая свитой. Егор со всей почтительностью поклонился. Великая Певица тоже решила заметить его и даже расщедрилась на подобие улыбки. Егор подождал, не поманит ли пальчиком. Давеча подарил ей книгу – вдруг осчастливит рецензией? Не поманила. Певица уже направлялась к выходу и задерживаться не намеревалась.

– Значит, жду тебя, Егор, – поспешно сказал Тарас. – На следующей неделе.

– Да, – выходя из гипноза, кивнул Егор, – обязательно буду.

Тарас тряхнул волосами и пошел догонять Великую Певицу и ее свиту, постепенно густеющую к выходу.

– Послушай, Егорчик, – слышалось над самым ухом у Егора, – тебе весь этот снобизм не опротивел?

Он оглянулся. Перед ним, задрвав длинный подбородок, стояла Ксюша Невская, дочь известного политика, и презрительно кривила большой породистый рот.

– Не могу, блин, – громко восклицала она, тем более смело, что главные посетители выставки удалились. – Соберутся эти так называемые сливки и давай друг перед другом выпендриваться. Видел, как они брюликами обвешались? Как новогодние елки. А сами только из своих тамбовов вылезли. Они так же разбираются в живописи, как я в картофельных очистках. Блин, сливки!

Мимо локомотивом прогрохотали две красавицы, глядя с некоторым испугом на бесстрашную, как революционный матрос, девушку.

Егор улыбнулся. Резать правду-матку, особенно в виду телекамер, было прерогативой Ксюши Невской, и это же кормило ее и одевало.

– Да бог с ними, Ксюш, – сказал примирительно Егор. – Скажи лучше, как тебе картины?

– Дрянь, – в свойственной ей лаконичной манере вынесла свою оценку Ксюша, отнюдь при этом не понизив голос. – Правда, была одна, где у меня чуть не намокло... О, смотри, уставилась, ворона. Нацепила Картье на три лимона и думает, что она круче всех. Лошица!

Егор усмехнулся, поощряя ее гнев. Хотя влезать в скандал с женой одного из толстосумов ему совсем не улыбалось. Но и ретироваться нельзя. Если Ксюша разочаруется в нем, ее вердикт будет суровым и окончательным. И, что самое неприятное, публичным. А этого допустить Егор не мог. Это могло нанести его имени, уже довольно раскрученному и благополучному,

ущерб, равный ущербу, производимому атомной бомбой. Оправиться от подобного ущерба очень трудно – если вообще от него можно когда-нибудь оправиться.

– Слушай, Ксюша, ты что-то говорила про книгу? – схитрил он. – Хочешь написать?

– Ну да, – мгновенно забыв о «лошице», кивнула Ксюша. – Уже есть наброски. Это как бы размышления о жизни. Типа философского трактата. Ну, как у Екатерины Второй, помнишь?

– Свои философские трактаты, насколько мне помнится, Екатерина сдувала у Дидро и Руссо, – заметил Егор. – А также у многих других.

– Все ты, Горин, знаешь, – шлепнула его по плечу ладошкой Ксюша. – С тобой неинтересно.

– А с кем интересно? С Галаховым? – поддел ее Егор, пуская в ход проверенно безопасную тему.

– Брось, – сморщила носик Ксюша. – Галахов – ребенок. С ним только болтать хорошо. Вот если бы ты был чуть-чуть попроще...

– Думаешь, я смог бы оплачивать твои капризы?

– В том-то и дело, – вздохнула, разводя тонкие, красивые руки, Ксюша. – Поэтому буду искать олигарха. Бедная я девушка.

Они рассмеялись. За последний год Ксюша заработала полтора миллиона долларов, и это только по самым приблизительным подсчетам.

– Ну, пока, Егорчик, – с придыханием, низко и нежно сказала она. – Полетела я. Дела.

Она чмокнула Горина в щеку, оросила его обоняние тонким, сильным, волнующим, как весенний лес, ароматом фиалки и исчезла, быстрая, как подросток.

Он просигнализировал официанту, взял бокал с шампанским, сделал маленький глоток и огляделся.

Народ томился. Великая Певица своим быстрым отбытием как бы дала оценку выставке, и все остальные уже не утруждали себя самостоятельным поиском истины. Бродили из вежливости от картины к картине, переговаривались со знакомыми и поглядывали на часы, чтобы слишком поспешным бегством не дать причислить себя к людям, у которых нет собственного мнения.

Егор двинулся в обход. Здоровался с одними, коротко заговаривал с другими и все никак не мог отделаться от мысли, что участвует в каком-то великом надувательстве. Со всех сторон на него глядели чудные, странные полотна, а он вынужден был острить, возмущаться и убеждать себя и других в том, что подобные шутки – дурной вкус и что кто-то непременно должен за это ответить. На некоторых лицах он улавливал чувства, схожие со своими, но то был словно короткий отсвет в ночи, возникающий и мгновенно исчезающий. Все будто прятались в норки и панцири, боясь признаться окружающим, что находятся бок о бок с чем-то поистине оригинальным и прекрасным. Возникни маленькая искра – и фарс превратился бы в триумф. Но искры не возникло, больше того, ее поспешно затоптали, не видя в ней надобности, и это был окончательный приговор.

Егор залпом допил шампанское и решил, что пора уходить. Вдруг послышался знакомый перестук каблуков. Из-за угла, как из засады, выскочили две неприкаянные красавицы и подбежали к нему.

– Извините, – заговорила одна из них, звезда ситкома, блондинка в коротеньком бирюзовом платье-тунике. – Вы писатель? Егор Горин?

Она отчаянно стреляла глазами и перебирала десятки форм улыбки, от застенчивой до самой обольстительной, продолжая играть роль, принесшую ей всероссийскую славу и возможность утвердиться среди тех, кто пришел сегодня на эту выставку.

– Да, – подтвердил Егор, оживая. – Он самый.

– А вы не могли бы...

Блондинка начала рыться в сумочке, показывая то младенчески нежную складку подмышки, то глубоко утопленную ложбинку груди, то белые ровные зубки, то матовую коленку.

– Сейчас, секундочку, простите, – лепетала она. – Застряла.

Виновато улыбаясь и даже покраснев – все же она была неплохой актрисой, – девица вытащила из сумочки экземпляр последней книги Егора.

– Вот, – протянула она ему томик, то тараша, то кося шалые цыганские глаза. – Не могли бы вы подписать?

Егор усмехнулся про себя. Западня немудреная, эта девица шла к цели прямо, не тратя силы на обходные маневры и полагаясь исключительно на свои женские достоинства.

Что ж, он был не против. Каждый имеет право на поиск теплого уголка в этой неприветливой, так быстро смыкающейся над тобой вечным холодом жизни. Почему эта девушка, столь привлекательная и в сущности простодушная, должна отставать от других? К тому же достоинства у нее были более чем весомые. Одна родинка над верхней губой чего стоила.

– Конечно, подпишу.

Егор взял книгу.

– Читали?

Механизм улыбок, стреляний глазами и ужимок снова пришел в действие.

– Конечно, читала! Так интересно. Я не могла оторваться. И Даша читала. Правда, Даша?

Даша, брюнетка в алом и золотом, заученно растянула огромный рот.

– Да-а, – выдохнула она, начиная свою игру. – Очень интересно.

Егор улыбнулся. Эта была совсем простушка.

– Кажется, Маша? – спросил он блондинку, нацеливаясь ручкой на пробел в титульном листе.

– Да, – засуетилась та, щурясь, быстро-быстро мигая и стеснительно улыбаясь. – Маша. Вообще, Мария. Но можно Маша. Как вам удобно.

– Так и удобно, – ласково подытожил Егор.

Получив подписанную книгу, она церемонно поблагодарила и снова покраснела.

– А что вы делаете сегодня вечером?

– А разве это не мой текст? – улыбнулся Егор.

– Что? – смутилась уже без игры молодая актриса. – Нет, я не то, то есть, я хотела сказать, что мы поедem с Дашей в клуб, и если вы хотите, мы могли бы...

Она шаловливо скользнула глазами вбок и скорчила очаровательную гримаску.

– Отлично, – кивнул Егор. – Закончу дела и приеду. Какой клуб?

– «Парадиз».

– Все. Там и увидимся.

Маша просияла и метнула на свою подругу взгляд, исполненный сумасшедшей надежды. У Егора на миг сжалось сердце. Но только на миг.

Каждый получает то, к чему стремится. В конце концов не он им навязался.

Он помахал рукой победно удаляющимся девушками, полюбовался бедрами модели.

«Выставка прошла успешно, – сказал он себе. – Художника, правда, жаль. Но он не обидится, ему сейчас не до того. Народ будет ходить здесь еще несколько дней, кто-то да оценит. В общем, все как обычно. Не та нынче мода – вот ключевое слово. И будь ты хоть стократ талантливее других, если на тебя нет моды, успеха не жди».

Егор вспомнил свои мытарства и поморщился. Не любил вспоминать. Бесприютность чужих углов, унижения нищего, никому не нужного литератора, одиночество и тошнотворный страх ни до кого не докричаться – страх забытого в чреве плода. Это был сон, долгий дурной сон. Он поселился в мире, где все совсем иначе, и больше никогда этот мир не покинет.

«Никогда», – повторил он себе.

Итак, пора действовать. Вечер начался неплохо, надо думать, и продолжение не принесет разочарований. Сейчас заехать куда-нибудь поужинать, сделать несколько звонков и – в клуб, к девочкам. Как там с ними сложится, он не хотел думать. Либо та, либо другая, либо обе – не принципиально. Как-нибудь устроится, не в первый раз.

Встреча с незнакомкой

Уже без интереса он скользил взглядом по тусклым холстам и выгадывал миг, чтобы двинуться к выходу. И в то самое время, когда он, покосившись на часы, сделал роковой поворот, он увидел незнакомую девушку.

Первое, что бросилось в глаза – ее отрешенность. Она была словно одна в этом зале, нет, во всем мире, поправил себя Егор, но это ее нисколько не тяготило.

Как он это понял? По чуть откинутой голове, по особой пластике, по засунутой в карман брюк руке и еще по чему-то неуловимому, что заставило его внутренне ахнуть и забыть об уходе.

Горин облизнул губы и огляделся.

Одна или со спутником? Кажется, одна. И такая уверенность! Кто она? Кажется, он видит ее впервые. Девушка стояла в углу, он не видел ее лица, но по фигуре, по манере держаться мог с уверенностью сказать, что нигде ранее с ней не встречался.

Однако сегодня сюда простым смертным вход запрещен. Стало быть, она не простая смертная, и в том мире, в котором привык вращаться Егор, она что-то да представляла. Что? Почему он не знает ее? И почему, черт побери, она одна?

Егор еще раз огляделся, как кот, который увидел мышь и на всякий случай проверяет, не следит ли за ним собака. Девушка стояла на месте, по виду никуда не спешила и внимательно разглядывала какую-то картину, которую Егор по небрежности пропустил, не видя смысла брать от выставки больше, чем она ему дала в первые полчаса посещения.

«Подойти? – подумал он. – Она одна. Потеряю несколько минут. Возможно, они будут того стоить, возможно, нет. Чем я рискую?»

И Горин медленно двинулся через залу. На ходу он присматривался к девушке. Теперь он видел ее в профиль, и то, что он видел, его не оттолкнуло. Напротив. Она была красива. Помимо гладких черных волос, свободно струящихся по спине, у нее был точеный носик и пухлые губы. Похожа на те женские портреты, что он видел на японских гравюрах. Но она не была японкой. Безусловно, экзотична в своем брючном аметистовом костюме, так шедшем к ее черным волосам и позе дикой кошки из европейских широт.

«Француженка», – решил Егор, с удовлетворением отмечая, что его французский достаточно хорош для объяснения с незнакомкой.

Но иностранка, такая шикарная, одна в российской столице... Почему?

Здесь крылась какая-то загадка.

Егор почувствовал волнение. Его всегда интересовали люди, и не только с корыстной целью. Он увлекался ими, как коллекционер увлекается поисками еще не обретенного им экспоната. И когда он видел редкий экземпляр, он испытывал волнение первооткрывателя.

Итак, девушка была одна, красива и явилась из ниоткуда. Последний факт особенно интриговал Егора, и он решил, что это неплохой повод для того, чтобы завязать знакомство.

Незнакомка почувствовала приближение Горина, но обратила на него внимания не больше, чем на воробья. Только чуть наклонила голову, так, что прядь волос легла ей на щеку и спрятала лицо от Егора.

«Точно веером закрылась», – подумал он с веселым азартом.

Его волнение усилилось. Но сейчас он не боялся неудачи как кавалер. Он боялся неудачи, как ловец бабочек, который подобрался на длину сачка к особо ценному экземпляру махаона и опасается сделать неверное движение, чтобы в последний момент не спугнуть его.

– Добрый вечер, – сказал он.

Егор остановился в двух шагах от незнакомки, вполоборота к картине, которую она разглядывала с таким вниманием.

Следующая секунда решит все.

Она плавным движением шеи откинула волосы назад и пристально на него взглянула.

– Добрый вечер.

У девушки были голубые глаза такой чистой воды, что они казались прозрачными.

У Егора пересохло во рту, и он улыбнулся улыбкой метрдотеля.

– Вы русская? – брякнул он первое, что пришло в голову.

– Да, – ответила она без удивления.

Егор потихоньку начал приходить в себя.

– Интересуетесь искусством?

Она не ответила, полагая, должно быть, что сам факт ее присутствия здесь является ответом на его вопрос.

Егора не смутило ее молчание. Он искоса любовался ее хрупким профилем и думал о том, что скоро будет знать об этой загадочной красавице все.

– Кто не владеет техникой какого-нибудь искусства, науки или ремесла, тот никогда не будет способен создать что-нибудь выдающееся, – процитировал он кого-то из великих.

– Мне больше нравится другое изречение, – сказала девушка, не глядя на Егора. – Создать что-нибудь стоящее может лишь тот, кто сам чего-нибудь стоит.

Это была цитата из его книги. Горин почувствовал себя польщенным.

– Вы знаете, кто я? – спросил он.

– Кто же вас не знает? – последовал ответ.

Он не понял, расценивать это как комплимент или как насмешку. На лице «француженки» не отражалось ровно никаких чувств по отношению к нему. Все, что он мог различить, – это детская безмятежность и какое-то необъяснимое влечение к полотну, перед которым она стояла. Егор решил держаться того, что услышал, скорее всего, комплимент, и, пользуясь удачным направлением разговора, бросился развивать успех.

– В таком случае разрешите узнать, кто вы? – спросил он, делая выразительное движение вперед.

Девушка бросила на него взгляд, мгновенно отодвинувший его на прежние позиции, и отвернулась.

– Разве обязательно нужно быть кем-то?

– Нет, я...

Егор замаялся и тут же некстати вспомнил, что пять минут назад перед ним точно так же маялась актриска из ситкома.

– Дело в том, что я вас не узнал, – пояснил он кратко и с достоинством.

– А вы и не могли меня узнать, – отрезала девушка.

– В таком случае не сочтите меня излишне любопытным, но я очень хотел бы... – витиевато начал Егор.

Но ему не дали закончить.

– Как вы находите эту картину? – спросила девушка, глянув на него с внезапной доверчивостью.

Горин, обрадованный переменой тона, полуобернулся и взглянул на холст, столь заинтересовавший девушку.

Увидел что-то похожее на длинный коридор, в самом конце которого словно висела в воздухе фигурка не то куклы, не то ребенка в голубом платье. Мимходом ощутил смутное волнение, которое отнес на диковатую стилистику художника, и отвел глаза.

– Ничего, – ответил он. – Свежо.

– И это все, что вы можете сказать? – улыбнулась девушка. – Я думала, вы отличаетесь от других.

Казалось, она несколько разочарована ответом Горина.

Здесь бы Егору призадуматься и, используя один из десятков известных ему светских приемов, благоразумно улизнуть. Но он уже, что называется, закусил удила и о благоразумии не думал. В шаге от него стояло самое волнующее существо из всех, кого он когда-либо встречал, и эта близость ослепила его.

– Но я не такой большой знаток, – мягко возразил он, глядя в огромные прозрачные глаза.
– А вы попробуйте, – тихо попросила девушка.

Испытывая странное ощущение, будто кроме них двоих никого рядом нет, хотя вокруг все еще ходили люди, Егор встал плечом к плечу с девушкой и вперился в картину, не столько жаждая оценить ее достоинства, вряд ли там присутствующие, сколько желая выказать прилежность экзаменуемого перед экзаменатором.

Сначала он смотрел как бы поверхностным зрением, ощущая всей кожей ту, что стояла рядом. В голове проносились тысячи мыслей, но главенствовала среди них одна: как бы заманить девушку к себе? Все же остальные были только обрамлением к ней. Понятно, что вид невзрачного коридора, выписанного без особого умения, – «без школь», как сказал бы Тарас Нифонтов, – и нелепая фигурка в голубом не вызвали того интереса, который они почему-то вызвали у незнакомки. Егор, постояв с минуту с видом почтительного внимания, уже хотел сказать, что картина чудесная, что видна глубина, должно быть, отражающая душу художника, и прочее, прочее в том же духе, как вдруг, на миг забыв о соседке и как-то разом забыв вообще обо всем на свете, он почувствовал, что этот коридор надвигается на него и втягивает в себя.

В одно мгновение все вокруг потемнело и потеряло ясные очертания. Егор видел один только этот серый коридор с бесконечным рядом тусклых окон и девочку в голубом платье, которая плыла, плыла к нему навстречу, так, что он мог уже видеть ее лицо, смугловатое, с раскосыми глазами под черной челкой.

Вдруг вспышкой молнии мелькнули желтые непреклонные глаза, и сбоку серой громадой нависла монументальная тень с мощными грудями и властно раскрытой ладонью. Хороводом завертелись незнакомые лица, в черепе слева отозвалось сладкой болью, и кто-то гулко спросил: «ТЫ ГОТОВ?»

Егора качнуло вперед, и он наверняка бы упал, если бы не уперся рукой в стену.

– Что с вами? – услышал он испуганный голос. – Вам нехорошо?

Он машинально поднял вторую руку и ощупал голову в том месте, где она зудела и покалывала. Его мутило, но, слава богу, голова была цела.

– Вы не ушиблись?

Егор перевел взгляд на взволнованную девушку – и поразился ее красоте. Неприступности как не бывало, он видел только страх и безграничную доброту в ее ставших василькового цвета глазах.

– Нет, – неуверенно сказал он. – Все в порядке. Эта картина...

Со всех сторон на них пялились любопытные.

Егор опустил руку, улыбнулся. Девушка смотрела на него с тревогой, видимо, начисто забыв о злополучной картине.

– Простите меня, – сказала она, – я не должна была устраивать этот глупый экзамен.

– Нет, нет, нет, – остановил ее Егор, дурашливо мотая головой. – Не оправдывайтесь, это вам не идет.

Девушка замерла, а затем выражение испуга в ее глазах сменилось выражением гнева, что мгновенно превратило ее василькового цвета глаза в глаза цвета фиолетовых чернил. «Только морские обитатели могут так быстро менять окраску, – подумал Егор. – Она или нимфа, или русалка».

– Вы меня разыграли?! – воскликнула незнакомка.

Ее нежное лицо стало твердым, как застывший воск.

– Пожалуйста, не обижайтесь, – сказал Егор, видя краем глаза, что любопытствующие побрели дальше. – У меня дурной вкус, я люблю шутки в стиле студенческого общежития.

Девушка, забыв о картине, направилась к выходу.

– Всего хорошего, – бросила она через плечо.

– Подождите, – взмолился Егор, догоняя ее, желая и не решаясь к ней прикоснуться. – Вы не должны так уходить. Дайте же мне хотя бы шанс. Ведь вы должны знать из моих книг, что провинившиеся всегда имеют шанс на исправление!

Она резко остановилась.

– Это запрещенный прием.

Несмотря на суровость тона, Егор увидел искорки смеха в ее глазах, принявших на этот раз нежно-голубой оттенок.

Сочтя это добрым знаком, он приободрился.

– Для вас я готов даже на запрещенные приемы.

Девушка улыбнулась.

– Чего вы хотите?

– Разрешите мне заглядывать вину и пригласить вас на ужин, – очень серьезно, словно делая предложение, произнес Горин.

Она нахмурилась и чуть повернула голову, – и Егор решил, что на этом их знакомство закончится. Но не успел он почувствовать разочарование, как незнакомка ясно взглянула на него и сказала:

– Хорошо. Разрешаю. Но...

Егор вытянулся в струнку.

– Да?

– Больше никаких розыгрышей.

– Никаких! – проговорил он так, словно давал торжественную клятву.

Испытывая обоюдное желание поскорее покинуть это место, они молча, уже как сообщники, направилась к выходу. Егор на ходу опустил пятитысячную банкноту в ящик для пожертвования, его спутница тоже опустила туда что-то, они спустились вниз, оделись и вышли на улицу.

Было тепло, и фонари уже лили свет на голубые тротуары. Егор ощутил тяжесть легкого пальто. Еще немного – и лето.

Его спутница хранила молчание. Но от ее близости, от сильного запаха распускающихся листьев, от потока автомобильных фар и какой-то сиреневой жилки на темном небе ему стало так хорошо, что он едва не начал петь. Возможно, он бы и запел, но вдруг подумал о картине и поневоле остыл.

«Ерунда какая-то, – сказал себе Горин. – Две последние недели плохо спал, переработался, вот и привиделось. Надо впредь как-то поаккуратнее с режимом».

Он усадил в машину свою спутницу, сел за руль – и только тут вспомнил, что не знает, как ее зовут.

– Простите, но вы мое имя знаете, мне же ваше никто не называл, – сказал он так, будто заранее просил извинить его за допущенную дерзость.

Егор уже побаивался девушку и в душе подтрунивал над собой. Он знал, чем вызван этот страх: незнакомка слишком сильно «зацепила» его, и теперь он будет опасаться любой оплошности, способной ее спугнуть.

О свидании же в «Парадизе» он и думать забыл.

– Жанна, – просто ответила девушка, глядя перед собой. – Мы едем?

– Конечно... Жанна.

Егор вывел машину на дорогу и двинулся по ярко освещенной улице, осторожно вливаясь на развилке в бешено летящий поток. Вообще-то, он водил смелее, но почему-то ему казалось, что его новая знакомая не одобрит слишком разухабистой езды.

– Куда мы едем? – спросила девушка.

Егор назвал один из самых модных столичных ресторанов, куда человеку с улицы вход был заказан.

Жанна промолчала.

– Вы не против? – справился Горин, видя в ее молчании скрытое неодобрение.

– Против, – сказала девушка.

– Почему?

– Там слишком много... этого.

Она не уточнила, чего, но по ее жесту Егор без труда догадался, о чем идет речь.

– Тогда куда же?

– Куда-нибудь, где потише.

– Можно, где совсем тихо?

– Можно, где совсем, – улыбнулась она.

Зная Москву как свои пять пальцев и не испытывая желания колесить по забитым транспортом улицам, Егор через несколько минут остановился возле одного незаметного, но имеющего репутацию «романтического» ресторанчика. К тому же здесь отлично кормили и держали порядочные вина.

– Здесь вам нравится?

Жанна улыбнулась. По ее улыбке нельзя было понять, известно ли ей это место и его репутация, а спрашивать напрямую Егор не отважился. Но девушка уже открывала дверцу, и он поспешил выскочить из машины и прийти к ней на помощь.

– Благодарю вас.

Прикосновение ее теплых, нежных пальцев неожиданно связалось для него с какими-то яркими воспоминаниями из юности, где он познал первое чувство и первые радости телесной любви, и это наполнило его грустной истомой.

«Честное слово, она сводит меня с ума», – подумал Егор, ведя девушку к ресторану, где молодой дюжий швейцар, улыбаясь, уже открывал им двери.

Ужин при свечах под музыку Юрия Антонова и Элтона Джона прошел так быстро и так очаровательно, что Егор совсем потерял счет времени. Он что-то все говорил и говорил, глядя в прозрачные глаза Жанны, и пил бокал за бокалом красное вино и, кажется, много выпил, но она слушала его внимательно, внимательнее, чем кто бы то ни был до сих пор, так что ему казалось, будто девушка не упустила ни одного слова из его рассказа и цвет ее глаз все время менялся, а губы произносили какие-то фразы, от которых у него щемило сердце и хотелось плакать и танцевать.

Егор сам не понимал, что с ним происходит. Он прекрасно помнил свое желание узнать девушку поближе, забросать ее вопросами. Вместо этого он как желторотый юнец, объятый первой любовной лихорадкой, сам бросился рассказывать ей о себе, подчиняясь то ли колдовской силе ее глаз, то ли чему-то неуловимому, чему не было названия. И чем дольше они смотрели в глаза друг другу, тем сильнее становилось его чувство, и уже не раз он ловил себя на том, что думает лишь о том, как бы поскорее оказаться с ней наедине.

Он уже не смеялся над собой. Он видел, что влюблен, – а как еще можно было назвать его необъяснимое ему самому поведение, как не влюбленностью, – и видел, что погибает. То, что на него навалилось, похоже, не было временным увлечением, а сильного чувства он боялся. Оттого в его радость вплетались нотки томительного ужаса перед чужой тайной и грядущей ответственностью, чего Жанна с ее женской интуицией не могла не угадать и что могло оттолкнуть девушку от него до того, как он получит вожеленный приз.

– Уже поздно, Егор, – услышал он. – Нам пора.

Горин хоть и был опьянен (конечно же, не вином), но сразу же отметил это «нам».

Значило ли это, что она не так проницательна, как он о ней подумал?

– Пожалуйста, счет, – сказал Егор официанту.

Он постарался стряхнуть опьянение. Стыдно будет, если после всего, что он ей тут наговорил, – а он, кажется, рассказал ей всю свою биографию, – она предпочтет покинуть его. Это не катастрофа, но, пожалуй, никогда еще Егору так не хотелось, чтобы женщина проявила к нему снисхождение. И хоть он целый вечер только и делал, что перебирал перед ней кровото-чивые годы своего детдомовского прошлого, он не был уверен, что добился нужного резуль-тата. С любой другой он не испытывал бы сомнений, но Жанна была не любой, и об этом он не забывал ни минуты.

Тем не менее он помнил, что тактика поднятого забрала уже принесла ему дивиденды, из чего можно было сделать вывод о ее склонности к прямым, без уловок объяснениям. Жизнен-ный опыт говорил Егору, что слишком легкий путь зачастую ведет в тупик, но взгляд Жанны убеждал его в обратном.

Подумав, он нашел подходящую лазейку.

– Как вы посмотрите на то, если я приглашу вас к себе? – спросил Горин. – У меня есть пара-тройка стоящих картин. Думаю, вы могли бы ими заинтересоваться.

– Мы выпили столько вина, – рассмеялась Жанна, – что можем обращаться друг к другу на «ты».

– В самом деле, – пробормотал Егор и добавил: – Так как? Едем?

Жанна с улыбкой посмотрела на собеседника и поднялась, так и не дав ответа. Они вышли на улицу и молча направились к машине. Казалось, после такой оживленной беседы они должны говорить без умолку. Но Егор перед расставанием загрустил и примолк, а Жанна не отличалась словоохотливостью.

– Вы... ты не ответила, – сказал Егор, останавливаясь.

Стояла тихая майская ночь. Сквозь робко зеленеющий куст сирени ярко светилось окно в чьей-то гостиной, где виднелись силуэты участников большой компании. Из форточки слы-шались слова блатной песни. Егор с отвращением поморщился.

– Не любишь? – спросила Жанна.

– Брр, – потерял он затылком о воротник.

– Бедный, – посочувствовала девушка. – Как тебе нелегко живется.

– О, – сказал Егор, – ты даже не представляешь.

Она подняла руку и прижала ладонь к его щеке.

Горин замер.

Такая простая, безыскусная ласка. Но у него перехватило дыхание и дрогнул подбородок. Он боялся пошевелиться, чтобы ненароком не стряхнуть с себя эту невесомую ладонь. Но губы сами потянулись к ней и робко коснулись ее края.

– Что ты? – прошептала Жанна.

– Нет, ничего, – отозвался Егор.

Он осторожно взял ее руку и поднес ко рту, покрывая все учащающимися поцелуями узкую кисть, ладонь, пальцы... Он забыл обо всем на свете и уже не слышал ни звуков блатняка, ни шума пробегающих мимо машин, а слышал только мощный и жаркий ток своей крови и голос желания, неотступного и мучительного.

– Поедем ко мне, – стараясь сдерживать дыхание, взмолился Егор. – Прошу тебя...

Он вдруг осекся, осознав, что выдал себя с головой, но отступать было поздно. Если она ответит отказом, он потеряет ее навсегда и, конечно, умрет от горя. Но, если она согласится, тогда... Тогда он будет жить вечно.

– Хорошо, – ответила девушка.

Егор оторвался от ее руки.

– Ты серьезно?

– А ты?

В свете фонарей ее глаза отливали серебром.

– Господи, – закричал Егор. – Конечно, серьезно, Жанна. О чем ты говоришь. Все, садись. Едем!

Он бросился к машине.

Но он еще не привык к ней и потому не понял, почему она стоит и не двигается.

– Что? – пугаясь, что сделал что-то не так, спросил Горин.

– Ты немного не в форме, – сказала она. – Будет лучше, если поведу я.

Первым желанием Егора, не столь пьяного, как ей казалось, было оспорить ее предложение и, конечно же, отклонить. Его «Лексус» стоил уйму денег, он не выплатил еще и половины кредита, и естественно, имел право за него опасаться. Конечно, дороги сейчас не те, что днем, но это московские дороги, и ошибок за рулем они не прощают.

Жанна ждала, не двигаясь с места.

«Если я не соглашусь, она, чего доброго, сядет в такси и поминай, как звали, – подумал Егор. – Такие неразговорчивые круты на расправу. Если же я проявлю добрую волю, она оценит мое доверие и ей уже некуда будет отступать».

– Хорошо, – сказал он, открывая дверцу со стороны пассажира. – Поехали.

Жанна молча села за руль, примерилась к рулю и педалям. В ее действиях сквозила опытность бывалого водителя, и Егор понемногу успокоился.

– Права у тебя есть? – поинтересовался он.

– Есть, – отозвалась Жанна.

– Отлично. Тогда на Кутузовский.

Горин искоса глянул на нее. Он назвал свой адрес, и это была тоже проверка: как отреагирует? Но Жанна, ничего не ответив, завела машину, уверенно дала задний ход, вырулила на дорогу и, плавно набирая скорость, взяла курс на Кутузовский проспект.

Доехали без приключений, благо ехать было недалеко. Егор по дороге уточнил адрес, и вскоре Жанна остановилась возле новенькой, нарядной высотки.

– Приехали, – сказал Горин.

Он все никак не мог поверить, что так легко заманил ее к себе, и лишний раз хотел удостовериться в неизменности ее решения.

– Да, – уронила Жанна.

Она вышла из машины, оставив ключ в замке зажигания, сунула руки в карманы белого тренча и снизу вверх осмотрела дом, как если бы хотела вскарабкаться на него и мысленно примерялась к выступам окон и балконов.

Егор достал ключи, пожал плечами и выбрался наружу.

– Мой этаж – последний, – сообщил он.

– Хорошо, – откликнулась Жанна.

Это прозвучало так, как будто она сказала «я знаю». У Егора впервые забрезжила догадка, что их встреча не была случайностью. Но тут Жанна так ясно и, как ему показалось, призывно глянула ему в глаза, что он тут же отмахнулся от своих лишенных всяческого основания подозрений и твердо направился к дому.

– Пойдем.

Каблуки Жанны застучали следом.

В лифте они ехали молча, стоя на расстоянии шага друг от друга. Егор крепился, помня, что она едет к нему под видом осмотра картин. Чего доброго, начни он ее сейчас обнимать, она, не выходя из лифта, нажмет кнопку нижнего этажа, когда до его квартиры останется пройти несколько шагов, и больше не вернется. Она странная. Молчаливая, непреклонная, ни на кого

не похожая – и желанная. Егор не понимал, что с ним происходит и почему его с такой силой влечет к этой девушке. Хороша? Бесспорно. Но были у него и получше кадры. И ничего, обошлось без особых волнений. Откуда же это нетерпение? Похоже, иначе чем колдовством его не объяснишь. Опоила она его, что ли? Вряд ли. Скорее всего, тут сыграл свою роль этот ее странный, ускользающий и одновременно пристальный взгляд. Даже представляя себе его, Егор начинал ощущать любовное томление. А стоило Жанне посмотреть на него и улыбнуться, как все его здравые размышления будто ветром выдувались и он думал только о том, как бы поскорее довезти ее до дома. Он дал себе слово, что не сделает ни одной ошибки. Иначе потом, Егор знал, он изложет себя упреками, а это будет пострашнее, чем неодобрение всего мира.

Кабина чуть заметно просела. Створки бесшумно раздвинулись, и Егор увидел двери своей квартиры.

– Прошу, – посторонился он.

Девушка вышла из лифта, и он, внезапно вспомнив о своих подозрениях, на секунду замер. Вдруг она сейчас, без его указания, повернет к нужной двери?

Нет, она вышла и сейчас же оглянулась на него.

Егор улыбнулся и вышел следом.

– Сюда.

Он открыл дверь, вошел первым и зажег свет.

– Проходи. Чувствуй себя, как дома.

Жанна переступила порог и закрыла за собой дверь.

Обнадеживающее начало.

Егор помог девушке снять тренч.

– Что будешь пить? – вступил он в роль хозяина.

– А что есть?

– Все, что требуется.

– Тогда немного красного.

Егор отметил ее последовательность и направился к барной стойке в глубине холла.

– Проходи, – крикнул он. – Устраивайся, где тебе удобно. Я сейчас.

– Хорошо, – откликнулась девушка, медленно поворачиваясь и осматриваясь.

Жилище, надо сказать, было оклеено, обито и обставлено не скупясь. Во всяком случае, Егор точно знал, что ни в чем не отступил от современных канонов, и если на сегодняшний день он и был в чем-то уверен, так это в безукоризненности дизайна своей «берлоги».

– Французское, испанское? – спросил он, подглядывая за Жанной из-за стойки.

– Все равно, – отозвалась она.

Егор отметил, что девушка, кажется, не в восторге от его хай-тека. Она подхватила на руки кошку Асю и тут же уселась с ней в первое попавшееся кресло.

«Во всяком случае, она не требует, чтобы я показывал ей картины, – подумал Егор. – И то хорошо».

Картины у него имелись – купленные по случаю, тенденциозные и крикливые творения современных живописцев из плеяды «подающих надежды». Егор, купивший эти картины по совету своих великосветских друзей, не очень-то их любил и, недолго думая, украсил ими коридор между холлом и спальней, где был полумрак и где при желании можно было попросту не обращать на них внимания. Пожелай гостя увидеть их, он с готовностью предоставил бы ей эту возможность. Но она не пожелала, а он дал себе слово не торопиться.

– Вот и вино, – сказал Егор, вручая девушке бокал.

Она поблагодарила хозяина квартиры, едва пригубила бокал и поставила его на столик, не переставая гладить кошку.

Егор глазам своим не верил: Ася, белоснежная, злоющая ангорка, которая терпеть не могла гостей, особенно тех, от которых пахло духами и пудрой, лежала у нее на коленях, мурлыча и жмуря глаза, как котенок.

Егор сел напротив них.

– Ты ее совершенно покорила, – сказал он. – Первый раз вижу, чтобы она так долго не сходила с чужих рук.

– Я люблю кошек, – отозвалась Жанна.

Она всей ладонью, до кончиков пальцев, проводила по голове и спине кошки, и та в ответ издавала долгий нутряной звук: «Ррр... ррр...»

– А кошки, похоже, любят тебя, – засмеялся Егор.

– Да, – согласилась Жанна. – Любят.

Она сидела очень грациозно, сведя колени скрещенных ног в одну сторону и отклонившись в другую, и было видно, что эта поза вполне для нее естественна, что она не рисуется, как многие, а просто ей так удобно. Кошку она взяла не для того, чтобы заслужить симпатию хозяина, а потому что и в самом деле любила кошек и знала, как с ними обращаться.

– У вас одинаковые глаза, – сказал Егор.

– Да, – равнодушно отозвалась Жанна.

Горин почувствовал, что надо что-то делать. Иначе она так и просидит с кошкой в руках.

– Ты хотела видеть картины, – напомнил он.

– Да, – она огляделась. – Только я их не вижу.

– Они вон там, – указал Егор в сторону спальни. – Если ты сможешь на несколько минут разлучиться с Асей, я тебе их покажу.

– Это будет непросто, – улыбнулась Жанна.

Она осторожно сняла кошку с колен, поднялась и посадила ее на свое место. Разомлевшая Ася потянулась и выгнула спину, показывая когти.

– Не знаю, правда, понравятся ли они тебе, – проговорил Егор, оборачиваясь к Жанне.

Он включил свет в коридоре. Из стен выступили полотна, жеманно-яркие и уродливые, как трупы.

– Это полотно известного московского художника, – указал Егор на одну картину. – Рябинкин, слышала?

Жанна помотала головой. Егор видел, что она в ужасе. Он растерялся, но, не зная, что предпринять, продолжил экскурсию.

– А это Сокольский, – беспомощно ткнул он пальцем в следующий холст. – Не знаешь такого?

Она указала на дверь спальни.

– А там что?

«Спокойно, – сказал себе Егор. – Только не суетись».

– Там я сплю, – скромно отозвался он о предмете своей самой большой гордости.

– Можно посмотреть?

– Конечно. – Он открыл дверь. – Прошу.

В глубине спальни горел ночник, в окна вливался свет луны, и этого освещения было достаточно, чтобы разглядеть огромную кровать, зеркальный потолок над нею и пару статуэток в половину человеческого роста. Этими статуэтками, метафорически изображающими плотскую любовь, Егор особенно гордился. Но сейчас он был рад, что темно и их почти не видно.

Жанна, не обратив внимания на статуэтки, направилась к окну. Оно здесь занимало весь угол и, переделанное по заказу Егора, тянулось от потолка до пола, имея внизу только бордюр в десять сантиметров высотой. Когда кто-нибудь подходил к нему вплотную, он невольно вскрикивал и отшатывался. Сорок пятый этаж давал ощущение бездонной пропасти, ничем, кроме

невидимой преграды стекла, не огороженной. Барышни, придя в себя, были в восхищении и тут же спешили перенести свои восторги на стоящее рядом ложе.

«Все идет по плану, – сказал себе Егор. – Еще немного терпения...»

Он сделал вслед за Жанной несколько шагов и остановился, глядя на ее чеканно очерченный силуэт.

Ничего не подозревая, она подходила к окну. Егор знал, что ничего не будет, пока она не посмотрит вниз. И как только ей в лицо бросится головокружительный провал с крошечными точками огней внизу, она потеряет все свое самообладание и захочет найти надежную опору. А какая опора может быть надежней его плеча?

Вот Жанна сделала последний шаг и встала у самого окна. Егор напрягся, готовясь прийти к ней на помощь. Ночью этот эффект края пропасти еще сильнее.

– Ты где? – услышал он спокойный призыв.

Горин едва не застонал от разочарования. Это просто непостижимо. Хоть бы голос изменился.

– Здесь, – сказал он, быстро подошел к девушке и замер за ее спиной.

– Стань рядом, – попросила она.

Он повиновался.

– Красиво, – сказала Жанна. – Как на облаке.

– Да, – согласился Егор.

Вдаль и вширь расходились бесчисленные огни, красные и желтые, белые и голубые. Вверху лежало темное небо с яркой полной луной. В комнату, обитую толстыми звукоизолирующими панелями, не проникало ни единого звука. Казалось, они действительно парят на облаке, став частью этого неба и этого света. Они молчали и смотрели на спящий город – такой огромный и такой уязвимый – с какой-то ласковой снисходительностью, как смотрят, должно быть, боги из своей недостижимой вышины. И впервые с пронзительной ясностью Егор подумал о том, что все это когда-нибудь кончится.

Жанна не двигалась. Казалось, она чего-то ждет.

«Пора», – подбодрил себя Егор.

Он протянул руку и обвил талию девушки.

Ничего не говоря, она сняла с себя его руку, но не отпустила ее, а сжала в ладонях.

– И что дальше? – спросил Егор.

Она подняла к нему молочно-белое лицо.

– Скажи, Егор, а ты вправду меня разыграл?

Он удивился.

– Ты о чем?

– Там, на выставке, – шепнула она.

Глаза девушки неотрывно смотрели ему в лицо, точно она хотела загипнотизировать Егора.

Ему сделалось не по себе. Охотнее всего Горин сейчас вернулся бы в гостиную, но Жанна ждала ответа.

– Да... – сказал он. – Наверное. Не помню.

– А ты вспомни.

Почему это было для нее так важно, Егор не успел спросить. Перед ним внезапно возник длинный серый коридор. Он уже был не рисованный, а настоящий, с большими длинными окнами, поднятыми высоко над полом, с решетками на них и рыжим линолеумом под ногами. Егор неслышно ступал по этому линолеуму, и внутри у него подымалось знакомое тошнотворное чувство. Он знал, что вот та дверь сейчас откроется и он окажется в маленьком пустом предбаннике. А затем его втолкнут в комнату, где будет сидеть страшный дядя с желтыми глазами и протягивать к нему серебристый ободок с витой блестящей проволокой.

– Не-ет, – замычал, мотая головой, Егор. – Не-ет! Я не хочу!

Перед его глазами вдруг завертелись калейдоскопом разноцветные огни. Они обещали спасение, но из них властно выплыло сердитое лицо с желтыми глазами и надвинулось на него, молчаливо, но гневно чего-то требуя. Голову словно пронзило электрическим током, и Егор застонал, испытывая боль и наслаждение одновременно. Ему показалось, что он летит в пропасть, огни становятся все дальше и дальше, а раскрытая немая пасть догоняет его и тянется к нему оскаленными зубами. Он страшно вскрикнул, дернулся – и спасительная губчатая чернота поглотила его и избавила от дальнейших мучений.

Любопытные подробности

Зазвонил телефон. Рита посмотрела на дисплей: Вировойша.

Она поморщилась, подождала еще немного и взяла трубку.

– Старший лейтенант Чернова.

– Зайдите, – сказал Вировойша вместо приветствия.

– Есть, товарищ майор, – приглушенным голосом, точно опасаясь кого-то, сказала она.

Толик Голованов, сосед по кабинету, покачал головой.

– Нарвешься, Ритка. Он мстительный.

– Я знаю, – беспечно сказала она. – Я сама такая.

Вировойша сидел за столом, он был хмур, и Рита с первого взгляда поняла, что дела плохи.

– Был у Цилиндра? – спросила она, без приглашения садясь за стол.

Вировойша поджал губы.

– Извольте обращаться по форме, товарищ старший лейтенант.

– Есть, товарищ майор.

Рита и не подумала обижаться. Этим она уже переболела и теперь испытывала только любопытство, глядя на красивое изможденное лицо начальника. Еще бы не быть ему изможденным! Дело, в котором Вировойша хотел блестяще отличиться, с первых же дней встало намертво, и, как ни билась вся группа, не было никаких сколько-нибудь значимых результатов. Прошло больше месяца; Цилиндр, тыча пальцем вверх, требовал предъявить ему хоть кого-то, похожего на преступника, или труп сторожа, но все его требования пока только требованиями и оставались.

Вировойша, как ни крепок был, поник, потемнел и похудел и всерьез опасался за свою карьеру. Рита и та порой испытывала к нему чисто материнскую жалость. Это было новое и не неприятное чувство, и она с интересом к нему прислушивалась, понимая, что перешла на какой-то новый уровень, дотоле ей неизвестный.

Однако же гроза нависала и над ней, и надо было срочно ее отводить.

– Что у вас? – спросил Вировойша, глядя куда-то вбок, как будто у него болела шея. – Только прошу коротко и по существу.

– Есть коротко и по существу, – снова не обиделась Рита. – Товарищ майор, я нашла человека, который работал у Никитина.

– Что? – воскликнул Вировойша. – И ты только сейчас мне об этом говоришь?

Забывшись, он перешел на «ты», чему Рита тут же улыбнулась в душе.

– Но я только вчера все выяснила, – невинно глядя измученному майору в глаза, сказала Рита. – Вот хотела все подготовить и доложить.

– Докладывайте, – потребовал Вировойша.

– Человек, которого мне удалось разыскать, был помощником профессора Никитина, – неторопливо начала Рита. – Его зовут Меньшов Леонид Николаевич. В начале восьмидесятых он входил в группу Никитина. Кандидат наук. Многообещающий молодой ученый, он должен был сделать громкую научную карьеру. Но потом что-то случилось с психикой, он долго лечился, одно время числился среди умерших, в девяностые годы обнаружился среди московских бомжей, снова пропал, лежал в психушке... Словом, жалкая история.

– Дальше, дальше – поторопил Вировойша.

– Сейчас он проживает в деревне Озерки, недалеко от Москвы. Я едва сумела выйти на его след. Ведь кроме него, никто из участников эксперимента не выжил. Сам Никитин, как вы знаете, уехал за границу, и там его след потерялся; одна из его ассистенток умерла, медсестры тоже, хотя вряд ли медсестры могли бы рассказать что-то стоящее.

– Это все мне уже известно. Давайте про Меньшова.

– Есть про Меньшова, – подчинилась Рита. – Сейчас он живет в деревне, в домике, похожем на сарай, один, даже собаки нет. Что-то сажает на грядках, с соседями почти не знается. Они считают его немного тронутым, но, как мне показалось, относятся хорошо. Одна женщина, такая симпатичная, нестарая еще, даже намекнула, что взяла бы его к себе, какой-никакой, а мужик. Но только он намеков не понимает, и ей страшновато: вдруг подожжет чего...

– Ты это нарочно? – из последних сил сдерживаясь, спросил Вировойша.

– Но вы же сказали – про Меньшова, – удивилась Рита.

У Вировойши заходили желваки.

– Чернова, не валяй ваньку! Я сказал: по существу. Вот и давай по существу.

– Есть, – сдалась Рита. – Кстати, Меньшов сейчас не Меньшов, а Лазарев.

– То есть?

– В девяностых, когда он бомжевал после того, как бандиты отобрали у него квартиру, он потерял все свои документы. Возможно, их использовали те же бандиты. Но это неважно, – глядя на темнеющее лицо Вировойши, мигнула Рита. – Дело в том, что у него одно время была потеря памяти, и кто-то выдал ему новые документы на фамилию Лазарев. В общем, темная история, в ней надо еще разобраться.

– Разберемся, – буркнул Вировойша, взглядом поторапливая подчиненную. – В другой раз.

Рита кивнула.

– Ну да. Так вот, я думала, что мне никогда не удастся отыскать Меньшова. Но я на всякий случай закинула его биометрические данные в компьютер, и он позавчера выдал мне Лазарева. Я сначала не поверила, думала, ошибка. Внешне фото Меньшова и Лазарева совершенно не похожи. Там – молодой приятный мужчина, тут какой-то страшный дядька, обрюзгший, лысый...

В этот момент Рита невольно глянула на лоб Вировойши, где две глубокие залысины предвещали скорую катастрофу.

Тот перехватил ее взгляд и покраснел. Намечавшаяся плешь доставляла ему массу огорчений. Как все писанные красавцы, он трепетно относился к своей внешности, и всякий ущерб, наносимый ей природой, оставлял глубокую зарубку на его сердце – сердце сухого и в общем-то заурядного служаки.

Рите снова стало его жалко.

– Я поехала в Озерки, чтобы на месте провести идентификацию, – деловито продолжила она, преданно глядя в глаза Вировойши. – Да, Лазарев оказался Меньшовым. Более того, он сам подтвердил это. Правда, не сразу. Он вообще не хотел разговаривать, даже в дом не пускал. Но я сказала, что я журналистка, пишу статью о профессоре Никитине и его экспериментах, и он оттаял. Даже рассказал кой-какие подробности, которых нет в досье.

– Любопытно, – пробормотал Вировойша.

– Да, товарищ майор, любопытно, – кивнула Рита. – Оказывается, наш профессор действительно гений. Он разработал особую методику стимуляции головного мозга, при которой человек, обладающий определенными способностями, начинает угадывать будущее.

– Вопрос: где таких людей взять? – усмехнулся Вировойша.

– Вот! – торжествующе сказала Рита. – Никитин разработал специальный тест, который позволял выявить у детей паранормальные способности. В частности, его интересовали дети, имеющие склонности к ясновидению. Он объездил массу интернатов.

– Почему именно интернатов?

– Ну, – замялась Рита, – эксперимент был довольно опасным. Не исключалась вероятность летального исхода. Поэтому специально отбирались сироты или те, от кого отказались родители.

– Понятно, – кивнул Вировойша. – Продолжай.

– Никитин собрал группу из восьми детей шести-семи лет. Ему был выделен специальный корпус на базе зоны отдыха КГБ, придан штат медсестер и воспитателей. Девочки, которых было три, жили отдельно от мальчиков. По словам Меньшова, дети содержались очень строго. Это и понятно: эксперимент был очень важный, поэтому детям необходим был особый уход.

– Это мы уже знаем, – снова не сдержал нетерпения Вировойша. – Ближе к сути.

Рита почувствовала досаду. На себя. Кого она вздумала жалеть? Этого себялюбца? Да ему никакие чувства, кроме желания отличиться по службе, неведомы. С какой же стати она должна награждать его своим сочувствием – тем, что он все равно никогда не оценит?

– Эксперименты шли успешно, – сухо продолжила она. – По словам Меньшова, методика Никитина приносила удивительные результаты. Дети начинали буквально видеть то, что должно было произойти в ближайшем будущем, то есть через несколько секунд. Но учитывая, что они были малы, годам к пятнадцати-двадцати они должны были предвидеть события на дни, а может быть, месяцы и годы вперед.

– Наивные мечтания, – криво улыбнулся Вировойша.

– Так думали многие, – кивнула Рита. – Эксперимент Никитина все время подвергался нападкам. А когда из-за приступа менингита умер один ребенок, эксперимент в спешном порядке свернули. Никитин пытался оправдаться, но уже начались новые времена, всем стало не до того, и о нем и его эксперименте скоро забыли.

Вировойша помолчал.

– Это все, что вы узнали от Меньшова? – спросил он.

Его вспыхнувший было интерес угасал, что и означило возврат к уставному обращению.

– Нет, – ответила Рита. – Не все.

– Чего же вы тянете? – рассердился Вировойша. – Не на свидании.

Рита вспыхнула.

– Кажется, свидания больше по вашей части, товарищ майор, – выпалила она.

Она ожидала чего угодно, но только не самодовольной улыбки, которая расплылась по лицу Вировойши. Рита запоздало поняла, что, желая уязвить, польстила ему самым лучшим образом, и от этого разозлилась еще больше.

«Павлин, – подумала она. – Павлин и пошляк. Глядеть противно. А на людях строит из себя святошу».

– Рита, давай без истерик, – по-товарищески сказал Вировойша. – Ты же понимаешь, как Цилиндр дерет с меня шкуру. Второй месяц пошел, а мы по нулям.

Товарищеский тон подействовал. Рита как-то сразу успокоилась, позволив себе в него поверить, и поняла, что конфликтовать ей вовсе не хотелось. Все-таки делали они одно дело, а Вировойша, как ни пытался сохранить лицо, выглядел неважно. Тут ее женский взгляд обмануть было трудно.

– У тебя тоже? – спросила она.

Вировойша махнул рукой.

– Полный завал.

– А ребята?

– Сторож пропал, как сквозь землю провалился. И никаких следов или свидетелей, Ивакин уже не знает, куда кинуться. Сергеев тоже ничего путного не раскопал. Похоже, и его обезьяны, и мой индуктор – ложный след. Я думал, может, ты чего нароешь по своим деткам? Будет хоть какая зацепка. Но, похоже, и тут глухо.

– Меньшов видел Никитина, – сообщила Рита нарочито равнодушно.

Вировойша непонимающе уставился на нее.

– Год назад, – уточнила Рита, наблюдая, как у него снова загораются глаза.

– Где? – осторожно спросил Вировойша.

– В Москве.

– То есть... Никитин никуда не пропал? Он здесь?

Рита пожала плечами.

– Точно сказать нельзя, где он сейчас. Да и показания Меньшова не слишком убедительны.

– Да, – спохватился Вировойша. – Если он лечился в психушке, то это не самый надежный свидетель. При каких обстоятельствах, кстати, он видел Никитина?

– Говорит, на улице.

– Ах, на улице, – кивнул Вировойша. – Понятно. Может, видел, может, нет.

Он надул щеки и разочарованно выдохнул.

– Знаешь, Юра, Меньшов хоть и несчастный человек, – задумчиво сказала Рита, – но он мыслит логично и четко. Его жизнь в деревне – это просто бегство от мира. Но рассудок он не потерял, это точно.

– Ты это к чему?

– Он видел Никитина, товарищ майор, – сказала Рита. – Он не ошибся.

– Допустим, – согласился Вировойша. – Что это нам дает?

– Зацепку.

– Какую зацепку?

– Ту, о которой ты говорил.

– Поясни подробнее.

Рита придвинулась ближе, сложив перед собой руки и устроив на них груди. То, что туда тут же устремился взгляд Вировойши, она постаралась не заметить.

– Допустим, Никитин действительно находится в России, или даже в Москве. В таком случае правомерен будет вопрос: а чем он здесь занимается?

– И чем же? – спросил Вировойша.

– Зная Никитина, – не замечая насмешки, продолжила Рита, – можно предположить, что он решил возобновить свой старый эксперимент. Нашел спонсора среди богатых заинтересованных людей и приступил к делу...

– Почему у нас? – перебил Вировойша. – Что он, за рубежом не мог найти спонсора?

– Кто знает, – пожала плечами Рита. – Возможно, там ему было сложнее адаптироваться. Ученые – люди со странностями. А возможно, сюда его пригласили.

– Да, – кивнул Вировойша. – Пока складывается. И детишек у нас безнадзорных пруд пруди...

– Я думаю, ему не нужны детишки, – заметила Рита.

– Тогда в чем смысл эксперимента? – спросил Вировойша. – Разве он не с детьми работал?

– Вот именно, – сказала Рита. – С детьми он уже работал. И теперь, возможно, хочет поработать со взрослыми.

– С какими взрослыми? – разозлился Вировойша. – Ты меня совсем запутала.

– С теми, – спокойно ответила Рита, – с кем он уже работал.

– А! – дошло до Вировойши. – То есть с теми своими...

– Ну да. А зачем ему начинать все сначала, когда есть готовые кандидаты?

– Верно! – воскликнул Вировойша. – И досье на них из архива для этого похитили. Вот черт!

Он откинулся на спинку кресла и некоторое время смотрел мимо Риты, что-то усиленно соображая.

– Подожди, – сказал он. – Но ты же говорила, что почти все участники эксперимента умерли.

– Почти все, – уточнила Рита. – Но кое-кто остался.

– Кто же?

Рита выдвинула из-под рук папку.

– До недавнего времени в живых оставались только трое из восьми детей. Остальные умерли в основном от проблем с головным мозгом или психикой.

– Кто остался-то? – поторопил Чернову Вировойша.

– Так, – раскрыла папку Рита, хотя прекрасно помнила все наизусть. Но вид отпечатанных листов, она знала по себе, действует убедительнее любых слов. – Стасов Леонид Иванович. Художник. Погиб две недели назад.

– То есть как погиб? – опешил Вировойша. – Убили?

– Нет, – покачала головой Рита. – Выбросился из окна своей мастерской.

– Точно?

– Точно. Да и какой смысл был бы его убивать, если он нужен Никитину живым?

– Логично, – согласился Вировойша. – Но все-таки странно. Только пропали досье, и вдруг погибает один из тех, чьи данные в этих досье содержатся. Разве это не странно?

– Странно, – кивнула Рита. – Но это еще далеко не все странности.

– Давай дальше, – распорядился Вировойша.

Он порозовел и даже как будто помолодел.

Рита склонилась над бумагами.

– Вторая – Софья Майская, профессиональная гадалка.

– Майская – это псевдоним?

– Нет, так назвали в детдоме. В мае подкинули, отсюда и фамилия. Ты же знаешь эту систему.

– Ну да, ну да. Продолжай.

– Так вот, Софья Майская пропала пять дней назад.

– Что значит – пропала? – выпучил глаза майор.

– Пока не установлено. Но есть свидетели, которые видели, что ее якобы насильно усадили в машину и увезли в неизвестном направлении.

– Час от часу не легче, – простонал Вировойша. – Но ее хоть пытались найти?

– Пытались. Но не очень усердно. Она была одинока, сирота ведь. Мужа, детей не имела. Ее подруга заявила в милицию, но известно, как к таким заявлениям относятся в милиции. Сказали, что уехала отдыхать с любовником, а показания свидетелей – сказки. То, что ее мобильный молчит и сама она не выходит на связь, во внимание не принимается.

– Нам надо взять это дело к себе, – решительно сказал Вировойша. – Переключу на него Ивакина. Пусть занимается. Хотя надо сначала доложить шефу. Так, что дальше?

Он только что не потирал руки. От серых щек и тусклых глаз не осталось и следа.

– Таким образом, в наличии остался только один из чудо-детей, – сказала Рита. – Горин Егор Егорович, писатель.

– Подожди, – остановил ее Вировойша. – Горин... Я о нем слышал. Это не тот, которого назвали надеждой нашей литературы? Светский лев и все такое?

– Тот самый, – кивнула Рита.

– А почему Горин? От слова «гора»?

– Я думаю, от слова «горе». Имя, кстати, тоже...

Вировойша пошевелил губами, переставляя буквы в словах.

– Получается, горе в кубе. Забавно, учитывая его гонорары. Ну, что с этим? Он-то хоть на месте?

– Он на месте. Сейчас в Москве, хотя предпочитает жить за границей.

– Ну слава богу. Хоть с ним все в порядке.

Майор снова задумался.

– А может, все это – совпадения? – спросил он.

– Что? – отозвалась Рита.

– Ну, гибель художника, пропажа гадалки... Может, он сам по себе, а она сама по себе?

Махнула с любовником на Канары, это и вправду часто бывает. Горина ведь никто не трогает.

– Может, и совпадения, – не стала спорить Рита. – Я просто развивала одну из версий.

– На основании показаний не совсем нормального свидетеля, – прибавил Вировойша.

– Именно так.

– Гм. И что с этим делать?

– Доложить Цилиндру. Пусть он решает.

Вировойша искоса взглянул на Риту. Издевается? Непохоже.

– Факты, конечно, интересные, – изрек он, с минуту подумав. – Все эти инциденты не кажутся мне случайными. Жили-жили до этого времени, а тут вдруг начали погибать и пропадать. И как раз после того, как обчистили архив. В такие совпадения я, честно говоря, не очень верю.

Рита скромно молчала, предоставляя начальнику самому решать, как быть дальше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.